

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

СПЕШНЕВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА
**«Сочинения, оставленные государем Тхань Тонгом» как образец литературного
творчества Ле Тхань Тонга.**

Направление 032100 «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа
(Профиль «Вьетнамско-китайская филология»)

Научный руководитель: кандидат филологических
наук, доцент, Кнорзова Е. Ю.

Рецензент: Ассистент Охват Д.Ю.

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Содержание.....	2
Введение.....	3
Глава 1. Император Ле Тхань-тонг, его реформы и военные достижения.....	6
Глава 2. Литературное творчество императора Ле Тхань-тонга. «Десять заповедей о неприкаянных душах» и деятельность литературного кружка «Собрание двадцати восьми звезд словесности».....	14
Глава 3. Новелла. Дальневосточная новелла.....	24
Глава 4. "Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом". Общие характеристики сборника.....	31
Глава 5. «Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом». Анализ новелл.....	36
Заключение.....	48
Использованная литература и источники.....	51
Приложение. Перевод.....	53
I. История потомков древней жабы (<i>Bài ký dòng dõi con thiềm thừ</i>).....	53
II. История богатой нищенки (<i>Truyện người hành khất giàu</i>).....	56
III. История двух девушек-духов (<i>Truyện hai gái thần</i>).....	59
IV. Приговор глухому и слепому (<i>Lời phán xử cho anh điếc và anh mù</i>).....	66

Введение

Император Ле Тхань-тонг по праву считается одним из величайших правителей Вьетнама, а внушительный срок его правления (1460-1497 гг.) стал периодом значительных преобразований в жизни государства. Помимо эффективных реформ в области законодательства, экономики и образования, помимо блестящих военных достижений, императора прославил его литературный талант. Творчество императора представлено различными произведениями: поэтические сборники, как на ханване¹, так и на родном языке-тьы-номе², ритуальное произведение, написанное в жанре вантэ, сборник новелл.

Литературное наследие Ле Тхань-тонга изучалось отечественными и зарубежными исследователями. Вьетнамистом, М. Ткачевым были переведены несколько новелл из сборника «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом». Эти переводы вошли в сборник «Повелитель демонов ночи», послесловие к которому было написано Б.Л. Рифтиным. Также перевод двух новелл Ле Тхань-тонга был выполнен А.М. Печериным и вошел в его магистерскую диссертацию. Н.И. Никулин уделил большое внимание фигуре императора в своей работе, посвященной вьетнамской средневековой литературе. Период правления императора Ле Тхань-тонга в целом и его литературное наследие в частности рассматриваются в работах и статьях вьетнамских исследователей Нгуен Хюэ Ти, Нгуен Зуи Куи и других.

Несмотря на наличие значительного количества научных работ, связанных с фигурой императора, его литературное творчество на сегодняшний день изучено достаточно избирательно и отрывочно. В отечественном востоковедении практически не освещено поэтическое наследие Ле Тхань-тонга, его деятельность во главе поэтического общества «Собрание двадцати

¹Ханван (вьет. Hán văn) – вьетнамское название вэньяня, классического китайского письменного языка.

²Тьы-ном (вьет. Chữ Nôm) – система письма на основе китайской иероглифики, использовавшаяся для записи вьетнамского языка.

восьми звезд словесности». Наконец сборник новелл императора лишь частично переведен на русский язык и требует художественного анализа.

Ключевой интерес для данного исследования представляет именно вышеуказанный сборник, озаглавленный как «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом». Целью работы является анализ новелл, вошедших в него, выявление основных художественных особенностей и композиционных элементов, присущих всем произведениям в сборнике. В силу исторических причин вьетнамская литература испытала на себе серьезное влияние со стороны Китая, и новеллы императора Ле Тхань-тонга, безусловно, сформировались на основании китайских произведений аналогичного жанра – в китайской литературной традиции для новелл принят термин «чуаньци». Таким образом, в работе также необходимо кратко отразить существующие сходства и различия между китайской и вьетнамской новеллой.

Наконец, термин «новелла», пришедший из европейской литературы, требует пояснения при употреблении относительно литературы Вьетнама и Китая. В отечественном востоковедении для произведений подобного рода традиционно используют термин «дальневосточная новелла». Однако под «дальневосточной новеллой» в силу расплывчатости и разнообразия ее характеристик могут пониматься произведения достаточно широкого спектра. В работе будет совершена попытка конкретизировать данный жанр, проанализировать процесс ее формирования и распространения на Востоке, а также выделить характерные черты собственно вьетнамской новеллы.

В процессе написания данной работы была использована литература на русском, английском и вьетнамском языках, а именно научные работы и статьи отечественных и зарубежных востоковедов, таких как М.Ткачев, Н.И.Никулин, К.И.Гольгина, Ли Тана, Нгуен Хюэ Ти, Нгуен Зуи Куи и других. Также была рассмотрена работа Е.М.Мелетинского, посвященная происхождению и формированию жанра новеллы. Кроме того, был

использован ряд источников на вьетнамском языке, а именно поэтические произведения Ле Тхань-тонга и его сборник новелл.

Работа состоит из пяти глав, введения, заключения и приложения с переводами нескольких новелл из сборника императора Ле Тхань-тонга. Первая глава посвящена биографии императора, его реформам и военным достижениям. Во второй главе представлены ключевые литературные произведения, созданные императором, кратко описана деятельность литературного кружка «Собрание двадцати восьми звезд словесности», сформировавшегося вокруг Ле Тхань-тонга, а также переведены три стихотворения императора. Поскольку предметом изучения данной работы является сборник новелл, в третьей главе сделана попытка исследовать сам жанр новеллы, ее характерные особенности и процесс зарождения в Китае и Вьетнаме. Четвертая и пятая главы посвящены сборнику «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом», его анализу и отражению сходств и различий между новеллами императора и китайскими новеллами-чуаньци.

Глава 1. Император Ле Тхань-тонг, его реформы и военные достижения.

Ле Тхань-тонг родился в 1442 году, став четвертым ребенком императора Ле Тхай-тонга. В 1445 году юный король начал обучаться во дворце в столице и вскоре завоевал одобрительные отзывы учителей, отмечавших его необычные природные данные, прилежность в учебе и необыкновенно светлую голову. В официальном летописном своде времен династии Ле, известном как «Полное собрание исторических записок Дайвьета» («Đại Việt sử ký toàn thư»), сохранились многочисленные упоминания добродетельности будущего императора, его высоких нравственных качеств.³ После внезапной смерти Ле Тхай-тонга наследником остался малолетний брат Ле Тхань-тонга Ле Нян-тонг. Хотя он был вторым сыном императора, старший по имени Нги Зан не претендовал на трон из-за того, что его мать была незнатного происхождения. В 1459 году Нги Зан устроил заговор с целью убить императора, после чего узурпировал трон и правил восемь месяцев.

В 1460 году группа сановников, свергнув Нги Зана, возвела восемнадцатилетнего Ле Тхань-тонга на императорский трон. Несмотря на довольно недолгий срок жизни – 55 лет, внушительный срок его правления – 38 лет – стал периодом знаменательных изменений в жизни государства. Период правления императора Ле Тхань-тонга единогласно признается «золотым веком» в истории вьетнамского государства.

Период правления императора можно назвать скорее временем "реформирования", нежели создания совершенно новых принципов устройства и управления государством.⁴ Выбирая политику гармоничных преобразований в областях законодательства, культуры, образования, Ле Тхань-тонг добивался поразительных результатов.

³ Đại Việt sử ký toàn thư//Tập II. – H., nhà xuất bản khoa học xã hội, 2003.Tr.488.

⁴ Nguyễn Duy Quý. Lê Thánh Tông. Nhà chính trị tài năng, nhà văn hóa lớn// Tạp chí văn học.– 1993.– số 1.Tr.4.

Заняв престол в 1460 году, молодой император с помощью верных советников начал формировать прочный и надежный бюрократический аппарат. Ле Тхань-тонг в первую очередь стремился окружить себя людьми учеными, образованными, способными стать опорой для императорского двора. С этой целью были установлены регулярные экзамены, раз в три года, на которых отбирались талантливые, добродетельные, образованные люди для государственной службы при дворе.⁵ Начинается подъем конфуцианства. Действительно, конфуцианские принципы отвечали всем интересам монарха: способствовали укреплению центральной власти, обязывали простой народ беспрекословно подчиняться императору, создавали четкие и нерушимые границы между сословием высших чиновников и простолюдинами.⁶ Нгуен Хюэ Ти, автор работы, составленной на основе докладов и выступлений на научном симпозиуме, посвященном императору Ле Тхань-тонгу, утверждает, что вопрос относительно положения конфуцианства, даосизма и буддизма в период правления Ле Тхань-тонга нередко поднимался на многочисленных исторических конференциях, и, безусловно, подобный вопрос является одним из важнейших и ключевых для понимания всей модели организации государства того времени. Он указывает на распространенное среди вьетнамских исследователей мнение, что вместе с укреплением позиций конфуцианства буддийские и даосские учения подвергались запрету.⁷ Однако это не совсем верно. Подъем конфуцианства не означал жестоких расправ и гонений на буддизм и даосизм. Буддизм продолжал оставаться мощной идеологической силой, с которой монарху так или иначе, но приходилось считаться. Еще в тринадцатом веке чанский император Чан Нян-тонг основал во Вьетнаме буддийскую школу чук-лам («школу

⁵ Nguyễn Duy Quý. Lê Thánh Tông. Nhà chính trị tài năng, nhà văn hóa lớn// Tạp chí văn học.— 1993.—số 1.Tr.4.

⁶ История Вьетнама. Пер. с вьет. под редакцией С.А. Мхитаряна. — М.: Главная редакция восточной литературы изд. Наука, 1983. С.187.

⁷ Nguyễn Huệ Chi. Những vấn đề đặt ra trong Hội thảo khoa học về Lê Thánh Tông// Tạp chí văn học. — 1993.—số 1. Tr.12.

бамбуковой рощи»), не имевшую китайского аналога.⁸ Школа чук-лам представляла собой сугубо вьетнамское направление тхиен буддизма. Национальная направленность школы способствовала росту патриотизма и формировала национальное самосознание. Предназначенная для роли государственной идеологии, школа чук-лам стремилась воплотить в себе некоторые элементы других учений – даосизма и в первую очередь конфуцианства. Более того, буддизм школы чук-лам, слившись с целым пластом автохтонных народных культов, превратился в единую народную религию, которую исповедовало подавляющее большинство населения Вьетнама.⁹

Население Вьетнама долгое время существовало в условиях слияния трех учений, иначе говоря, религиозном синкретизме. Подобная организация давала людям возможность выбирать модель поведения в определенных обстоятельствах, в разных сферах своей жизни. Однако состав религиозного синкретизма был неоднородным и менялся в различные периоды истории. Так, в эпоху династий Ли (1009-1225 гг.) и Чан (1400-1225 гг.) основным формообразующим элементом синкретизма был махаянский буддизм тхиенского направления, но в пятнадцатом веке с приходом династии Поздних Ле (1428-1778 гг.) ее место заняло неоконфуцианство.¹⁰ Возможно, данное явление и вызвало вышеуказанные предположения об ограничении и даже запрете буддийских и даосских учений.

Ле Тхань-тонг стремился оградить императорский двор, область, напрямую связанную с престижем страны, от влияния буддизма и даосизма. Стремясь сформировать себе надежную опору, он окружал себя лишь

⁸ Торчинов Е.А. Буддийская школа тхиен.//Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1993. – вып.2-3. С.89.

⁹ См. там же, С.90.

¹⁰ См. там же, С.89.

образованными конфуцианцами. При этом простому народу Ле Тхань-тонг никогда не запрещал эти религиозные течения как таковые.¹¹

В период правления императора Ле Тхань-тонга Вьетнам добился значительных военных достижений. Наиболее известен его поход на Тямпу – государство, существовавшее с VII по XV века на территории современного центрального и южного Вьетнама. Расширение вьетнамских территорий за счет присоединения южных земель началось еще в одиннадцатом веке и продолжалось до восемнадцатого. Данное явление во вьетнамских источниках традиционно называется «Продвижением на юг» (nam tiến). В 1471 году по приказу императора Ле Тхань-тонга вьетнамская армия напала на столицу королевства Тямпа, город Виджайя, и полностью разгромила армию противника. Тямпа была разделена, и ее северная часть стала тринадцатой провинцией Вьетнама-провинцией Куангнам (Quảng Nam).¹² Успешное завершение военного похода было во многом обусловлено новой усовершенствованной организацией армии, внедренной Ле Тхань-тонгом. Армия делилась на пять фу: восточный, западный, северный, южный и центральный. Фу в свою очередь дробились на более мелкие единицы – ве, которые также включали в себя несколько более мелких форм – шо. В целом в мирное время армия насчитывала 70 тысяч человек. Перед походом на Тямпу император добавил к ним войска численностью приблизительно в 100 тысяч солдат. Таким, образом, армия в 1471 году состояла из 170 тысяч человек, не считая гвардии императора.¹³

Джон Уитмор в своей статье для сборника «Тонкинский залив на протяжении истории» отмечает, что походы против Тямпы были вызваны экономическими интересами со стороны Вьетнама, а именно стремлением

¹¹ Nguyễn Huệ Chi. Những vấn đề đặt ra trong Hội thảo khoa học về Lê Thánh Tông// Tạp chí văn học. – 1993.–số 1.Tr.12.

¹² John K. Whitmore. Chapter 6. Vân Đồn, the “Mạc Gap,” and the End of the Jiaozhi Ocean System: Trade and State in Đại Việt, Circa 1450–1550/The Tonking Gulf through history// Nola Cooke, Tana Li, James A. Anderson. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 110.

¹³ Деопик Д.В. История Вьетнама, часть 1. – М.:Издательство Московского университета, 1994. С.193.

Вьетнама ограничить деятельность Тямпы в системе международной торговли в районе Зяоти (вьет.-*Giao Chi*, кит.- 交趾 *jiāozhǐ*).¹⁴ Зяоти возникла как одна из административных единиц (бо) вьетнамского королевства Ванланг. Позже, во втором веке до н.э., циньский наместник Чжао То захватил вьетнамское государство Аулак и создал китайско-вьетское на территории современного северного Вьетнама и китайских провинций Гуандун и Гуанси, получившее название Намвьет. Территория Намвьета была поделена на две части, одна из которых стала называться Зяоти. С этого времени Зяоти фигурировала как название части территории Вьетнама вплоть до начала одиннадцатого столетия, когда страна получила независимость от Китая. Спустя несколько веков династия Мин, захватив Вьетнам в 1407 году, вернула округ Зяоти, на этот раз его территорией были названы все вьетнамские земли. После свержения китайского владычества и установления вьетнамской монархии в 1428 году система административного деления государства была изменена, вместе с этим окончательно исчез и округ Зяоти.

В начале первого тысячелетия н.э. Зяоти охватывала обширные территории, от юго-запада Гуанси до территории современного Ниньбиня, а вдоль побережья вокруг дельты реки Красной начали закладываться торговые пути.¹⁵ К десятому веку в эпоху правления династии Сун вдоль побережья Зяоти сформировалась полноценная система торговли, основой которой стал Тонкинский залив, а своеобразными рамками стали побережье Дайвьета¹⁶, Гуанси, остров Хайнань и Тямпа. В англоязычной литературе это явление обычно называется «*Jiaozhi Yang (交趾 洋) system trade*», что можно перевести как «торговая система в прибрежных водах Зяоти». Основными

¹⁴ John K. Whitmore. Chapter 6. *Vân Đồn*, the “*Mạc Gap*,” and the End of the *Jiaozhi Ocean System: Trade and State in Đại Việt, Circa 1450–1550/The Tonking Gulf through history*// Nola Cooke, Tana Li, James A. Anderson. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 110.

¹⁵ См. там же. P. 103.

¹⁶ Дайвьет (*Đại Việt*-Великий Вьет) – название вьетнамского государства в 1054—1400 гг. и в 1428—1804 гг.

центрами торговли были порты Вандон (Vãn Đôn), принадлежавший Вьетнаму, Тхинай (Thị Nại) в Тямпе, порты Цинчжоу в провинции Гуанси и Ячжоу на о. Хайнань.¹⁷ В 15 веке торговля у побережья Зюти процветала, а порт Ван Дон пережил 20-летнюю минскую оккупацию и продолжал функционировать.

Если между Вьетнамом и Тямпой и существовала конкуренция за более выгодные условия торговли экспортными товарами, то сокрушительная победа Вьетнама, безусловно, внесла изменения в сложившуюся систему торговли в регионе. И изменения эти были выгодны Вьетнаму. Во-первых, значительно сократилось количество тямпских торговцев, которые забирали себе часть прибыли, выступая в качестве посредников между Вьетнамом и Малайским архипелагом. Во-вторых, порт Тхинай хоть и продолжал функционировать, его активность в системе значительно уменьшилась. Вандон, таким образом, стал ключевым узлом в торговой системе Зюти, а также основным местом сбыта вьетнамских изделий производства.¹⁸

Существует, однако, и противоположное мнение. Ли Тана в своей работе, также посвященной истории торговых путей в регионе Зюти, утверждает, что захват Тямпы в 1471 году негативно сказался на торговых отношениях между Вьетнамом и другими странами. Сокращение числа тямпских торговцев нанесло урон Вьетнаму, достаточно пассивному в отношении морской торговли и ориентированному скорее на внутренний рынок. Кроме того, Ли Тана отмечает, что разрыв вьетнамско-тямпских отношений совпал с общим снижением активности на пути, по которому купцы из Южной и Западной Азии раньше отправлялись в Китай. Таким образом, Тонкинский

¹⁷ John K. Whitmore. Chapter 6. Vân Đồn, the “Mạc Gap,” and the End of the Jiaozhi Ocean System: Trade and State in Đại Việt, Circa 1450–1550/The Tonking Gulf through history// Nola Cooke, Tana Li, James A. Anderson. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 104.

¹⁸ См. там же. P.112.

залив, и в частности, система торговли у побережья Зюти потеряли свое былое значение.¹⁹

Преобразования императора Ле Тхань-тонга коснулись и законодательства. В 1483 году был создан законодательный кодекс "Уголовное право дома Ле" ("*Luật hình triều Lê*"), совместивший в себе как старые, уже используемые законы, так и акты, впервые узаконенные во Вьетнаме. Кодекс, известный также под названием «Хонг Дык» (*Luật Hồng Đức* – это название кодекс получил, так как был создан в период под девизом правления Хонг Дык (1470 г. по 1497 г.) – «Великая Добродетель»), представлял собой собрание из 13 глав и 722 законодательных статей.²⁰ Кодекс включал в себя правовые нормы, регулирующие следующие сферы: судопроизводство, уголовное право, административное право, гражданские права населения и, наконец, семейную жизнь. Несмотря на то, что кодекс в основном был направлен на укрепление позиций и прав господствующего сословия, на усиление абсолютной власти монарха, значительное внимание впервые уделялось законоположению семьи и брака, сохранению народных традиций и обычаев, улучшению уровня жизни населения и правам женщин²¹. Так, например, в кодексе было узаконено следующее: отныне женщина имела право на получение в качестве наследства части имущества своих родителей и, что особенно важно, женщина могла получить земельный надел, предназначенный для совершения культовых обрядов, чтобы поклоняться духам предков, если в семье не было наследника мужского пола.²²

Нововведения в кодексе коснулись и сельского хозяйства. Земли северного и центрального Вьетнама часто подвергались наводнениям, разрушавшим

¹⁹ Li Tana. The Rise and Fall of the Jiaozhi trade system/The Perception of Maritime Space in Traditional Chinese Sources// Angela Schottenhammer, Roderich Ptak. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. pp.138-139.

²⁰ Nguyễn Duy Quý. Lê Thánh Tông. Nhà chính trị tài năng, nhà văn hóa lớn// Tạp chí văn học. –1993. – số 1. Tr.5.

²¹ История Вьетнама. Пер. с вьет. под редакцией С.А. Мхитаряна. – М.: Главная редакция восточной литературы изд. Наука, 1983. С.184.

²² Nguyễn Huệ Chi. Những vấn đề đặt ra trong Hội thảo khoa học về Lê Thánh Tông// Tạp chí văn học. –1993. – số 1. Tr.10.

урожай и жилища, поэтому император на законодательном уровне обозначил необходимость строительства дамб, способных предотвратить катаклизмы. Также было решено расширить посевные территории. В кодексе были оговорены и наказания за уничтожение и кражу рисовых побегов, вырубку лесов, разрушение плотин и дамб. Более того, императором были добавлены законодательные акты, обязующие государство обеспечивать беднейшие слои населения минимальным набором необходимых продуктов.²³

Наконец были добавлены акты, демонстрирующие гуманность императора по отношению к своим подданным. Так, например, чистосердечное признание преступника гарантировало ему снисхождение властей.²⁴

Таким образом, можно сказать, что кодекс «Хонг Дык» в частности и законодательные реформы Ле Тхань-тонга в целом были безусловным свидетельством нового прогрессивного этапа в истории вьетнамского права.

²³ Nguyễn Minh Tuấn. Những giá trị tích cực của Nho giáo trong Bộ luật Hồng Đức // Tạp chí Khoa học, Đại học Quốc gia Hà nội, Chuyên san Kinh tế. – 2004. – No 4. Luật. Tr. 39-44.

²⁴ См. там же.

Глава 2. Литературное творчество императора Ле Тхань-тонга. «Десять заповедей о неприкаянных душах» и деятельность литературного кружка «Собрание двадцати восьми звезд словесности».

В пятнадцатом веке вьетнамская литература делает значительный шаг в своем развитии в первую очередь благодаря распространению литературы на родном языке. До этого времени собственно вьетнамский письменный язык был практически полностью вытеснен из сферы делопроизводства и литературы классическим китайским языком. В конце III века до н.э. Китай, объединённый под властью династии Цинь, впервые начал полномасштабное наступление на подвластные различным племенам южные территории, в том числе и на территорию современного северного Вьетнама (тогда Аулак, позже – Намвьет).²⁵ Окончательно контроль над этими территориями Китай установил в 111 г. до н.э., после чего начался процесс ассимиляции – помимо внедрения китайского законодательства и создания системы наместничества началось активное распространение китайских обычаев, традиций и, конечно, языка.²⁶ Лишь спустя тысячелетие, которое традиционно называют периодом «северной зависимости», Вьетнам смог добиться независимости от Китая, а в начале одиннадцатого века установилась собственно вьетнамская династия Ли (1009-1225 гг.). В 1407 году династия Мин вновь захватила Вьетнам, на двадцать лет подчинив себе страну. После успешного восстания Ле Лоя против минской оккупации и установления вьетнамской монархии в 1428 году произошел подъем национального самосознания, который, безусловно, отразился и на вьетнамской литературе. Победа в войне против китайской экспансии и долгожданная независимость вызвали предсказуемое стремление вьетнамского народа к развитию национальной культуры и родного языка. Вьетнамские авторы стали все чаще обращаться в своем

²⁵ История Вьетнама. Пер. с вьет. под редакцией С.А.Мхитаряна. – М.: Главная редакция восточной литературы изд. Наука, 1983. С. 40.

²⁶ Там же, С. 53.

творчестве к тьы-ному. Памятники на тьы-номе существовали и до пятнадцатого века. Древнейшим найденным образцом письменности считается гравировка на медном колоколе пагоды Ван Бан, датируемая 1076 годом²⁷, хотя и отмечается, что большая часть текста написана на ханване, т.е. на китайском, а иероглифы ном являются лишь небольшими вкраплениями. Именно в пятнадцатом веке на волне патриотических настроений письменность ном все чаще использовалась в качестве языка литературных произведений.

Император Ле Тхань-тонг в своем творчестве тоже обращался к тьы-ному. На родном языке написано его произведение «Десять заповедей о неприкаянных душах». Заповеди написаны ритмической прозой, и каждая завершается стихотворным нравоучением. Сочинение написано в жанре вантэ. Произведения данного жанра писались для исполнения во время ритуала по случаю полнолуния седьмого месяца, которое считалось днем очищения бесприютных душ от греха. Заповеди обращены к десяти "сословиям" и "разрядам" общества: буддистам, даосам, чиновникам, конфуцианцам, астрологам и геомантам, врачевателям, военачальникам, певицам и лицедейкам, торговцам, бродягам и дармоедам.²⁸ Произведение напоминает критическое назидание – император метко выявляет пороки основных представителей вьетнамского общества, предрекая их душам вечные скитания после смерти. В заповеди, обращенной к конфуцианцам, император критикует «мудрецов», что дни и ночи проводят за книгами, читая нараспев древние трактаты и зазубривая изречения великих. Только вот интересуют таких мудрецов не знания, заключенные в учении Конфуция и Чжу Си, а слава на экзаменах, высокая должность при дворе, богатство и знатное положение. Ле Тхань-тонг не одобряет подобное отношение и

²⁷ Леонов К.Ю. Ном в системе некитайской иероглифики Дальнего Востока. / Традиционный Вьетнам. Сборник статей. М. –1996. – Вып. 2. С. 204.

²⁸ Классическая проза Дальнего Востока. – М.: Художественная литература, 1975. С.383.

потому утверждает, что после смерти души таких конфуцианцев не найдут покоя, несмотря на всю свою ученость.²⁹

Если конфуцианцев император критикует вполне справедливо, обвиняя их в слепом стремлении к славе и богатству, то заповедь, обращенная к буддистам, выглядит менее обоснованной. Ниже приведен стихотворный отрывок, завершающий заповедь:

Чашку и чайник брал каждый из них

и, облачась, как монах,

Прятался в пагоде, четки свои

перетирая во прах.

Целыми днями, бывало, сидят,

тайную суть постигая,

В кельи бредут, когда длинная тень

в травах скользит и цветах.

Вечно они проявление добра

судят согласно ученью,

Царство подземное и небеса

часто у них на устах.

Тело и дух очищают они

в Селах начал бестелесных,

Но не постигнут вовек свою суть,

тщетно блуждают впотьмах.³⁰

В своем наставлении император не высказывает никаких объективных причин для критики последователей буддизма. Создается впечатление, будто единственной причиной порицания является их упорное следование ложному, с точки зрения Ле Тхань-тонга, учению.

²⁹ Классическая проза Дальнего Востока. – М.: Художественная литература, 1975. С.455-456.

³⁰ См. там же С.454.

«Десять заповедей о неприкаянных душах» – не единственное произведение императора, написанное на родном языке. Вокруг Ле Тхань-тонга сформировался целый литературный кружок, сыгравший огромную роль в популяризации литературы на тьы-номе. Кружок, созданный императором, получил название «Собрание двадцати восьми звезд словесности» («*Tao đàn Nhị thập bát Tú*») по числу входивших в него литераторов.

О точном времени создания кружка можно судить по записи в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» (*Đại Việt sử ký toàn thư*): «В двадцать шестой год под девизом правления Хонг Дык (1495 год) и под циклическим знаком «атмао» (...) написано было произведение «Девять песен, сложенных в дивном саду». Два минувших года под циклическими знаками «куисыу» и «зьяпзан» принесли стране богатый урожай зерна, и император захотел воспеть это прекрасное событие в стихотворениях. Написал он о должном поведении монарха, об обязанностях и преданности его верноподданных, написал, что при мудром правителе и подданные добродетельны. Написав, император вспомнил о самых прославленных и талантливых литераторах при дворе и послал им свой текст»³¹ ...Так, согласно «Историческим запискам Дайвьета», в 1495 году началась деятельность придворного кружка литераторов, вошедшего в историю как «Собрание двадцати восьми звезд словесности».

Обратимся к другому источнику, а именно предисловию сборника стихов «Девять песен, сложенных в дивном саду», написанного императором Ле Тхань-тонгом, и рассмотрим следующий отрывок: «Мы (император) долгое время размышляли в тишине, затем выбрали подходящие размер и рифму и сочинили девять стихов, которые записали на драгоценной бумаге. Стихи эти послали ученым мужам из родов Тхан, До, Нго, Лыу и талантливым литераторам семей Дам, Зьонг, Тю, Фам – всего двадцать восемь человек, подобные двадцати восьми светилам на небосводе. Вместе они должны были

³¹ *Đại Việt sử ký toàn thư*//Тập II. – Н., nhà xuất bản khoa học xã hội, 2003.Тр.640.

сочинить стихи (...) наконец они закончили, написав несколько сотен стихотворений. Возрадовались мы и отправили стихи лучшим каллиграфам, чей почерк прекрасен, а черты ровны и безупречны. После отправили лучшим гравировщикам, чтобы они увековечили текст, вырезав его на дощечках. Трудились мастера, прикладывая все умения и таланты. Прошло не больше недели и книга была закончена».³²

В отличие от «Полного собрания исторических записок Дайвьета» здесь в качестве даты создания императором Ле Тхань-тонгом первого цикла стихотворений для сборника «Девяти песен,..» указывают двадцать пятый год под девизом правления Хонг Дык, т. е. 1494 как год. Таким образом, и годом основания кружка литераторов признается 1494 год. Комментируя данное расхождение в датировке, авторы работы, посвященной деятельности кружка «Двадцати восьми звезд», отмечают, что в «Собрании исторических записок Дайвьета» действительно присутствует неточность: в 1494 году, в год под циклическим знаком «зязпан» император Ле Тхань-тонг написал девять стихотворений, которые позже отправил приближенным литераторам в качестве образца. Согласно замыслу императора, члены кружка должны были, взяв за основу стихотворения возглавлявшего общество монарха, сочинить свои произведения. Таким образом, из произведения Ле Тхань-тонга «Девять песен, сложенных в дивном саду» только в следующем, 1495 году сформировывается целый сборник стихов под аналогичным названием, куда вошли произведения всех членов литературного кружка. Несмотря на то, что первое полноценное произведение кружка появляется в 1495 году, датой основания «Собрания двадцати восьми звезд словесности» считается все же 1494 год.³³ В таком случае временные рамки творческой деятельности

³² Hôi Tao Đản. Tác giả-tác phẩm./chủ biên – Lam Giang. – Hà Nội.: nhà xuất bản khoa học, 1993. Tr.6.

³³ См. там же, Tr.8.

кружка охватывают период чуть более двух лет: с конца 1494 года до 1497 года, т. е. до кончины императора Ле Тхань-тонга.

Подобные расхождения и неточности встречаются и в списках произведений, созданных придворным кружком литераторов. Некоторые сборники исследователи ошибочно приписывают «Собранию двадцати восьми звезд словесности». Дело в том, что многие стихотворения были написаны императором Ле Тхань-тонгом и членами кружка еще до основания его как такового, т. е. до 1494 года. Например, «Собранье стихов на родном языке, сложенных в годы Великой Добродетели» (*Hồng Đức quốc âm thi tập*). К сожалению, неизвестно ни точное время создания вошедших в сборник стихотворений, ни имена авторов каждого произведения в отдельности. Из названия лишь можно судить, что стихотворения были созданы в период с 1470 по 1497 гг., период девиза правления Хонг Дык (Великая Добродетель). При этом исследователями признается, что значительная часть стихотворений написана императором Ле Тхань-тонгом, тогда как остальные произведения принадлежат перу литераторов, вошедших позже в «Собрание двадцати восьми звезд словесности». Скорее всего именно поэтому в работах отечественных и зарубежных исследователей вышеуказанный сборник на родном языке упоминается как одно из произведений созданных придворным кружком литераторов.³⁴ В любом случае, сборник стихотворений на тьы-номе языке, написанный в период правления императора Ле Тхань-тонга и при его безусловном участии, стал значительным шагом для развития собственно вьетнамской литературы.

Единственным произведением, безоговорочно признанным результатом творчества всех членов «Собрания двадцати восьми звезд словесности», считается сборник стихотворений «Девять песен, сложенных в дивном саду». Императором Ле Тхань-тонгом, как уже отмечалось выше, были написаны

³⁴ Bùi Duy Tân. Hội Tao đàn/ Hoàng đế Lê Thánh Tông : Nhà chính trị tài năng, Nhà văn hóa lỗi lạc, Nhà thơ lớn. – Hà Nội.: Khoa học xã hội, 1998. Tr.367.

девять стихотворений, позже отправленных ученым мужам при дворе в качестве образца тематики и рифмы:

1. Phong niên (Урожайный год)

2. Quân đạo (Đạo làm vua)

О должном поведении императора

Нам (императору) хорошо известно, каким должен быть достойный правитель.

Он должен любить и заботиться о своем народе, уважать волю Неба,

Обращаться к книгам ученых мужей прошлого, чтобы найти в них секреты процветания.

Забыв о развлечениях и удовольствиях, он должен всего себя посвятить заботам о государстве,

Окружать себя лишь людьми талантливыми и добродетельными,

Однако, возвышая людей ученых, не забывать и о развитии военного дела.

Добродетельный правитель должен знать о всех радостях и бедах своего народа,

Тогда возликует вся страна, наслаждаясь миром и гармонией.³⁵

3. Thân tiết (Tiết tháo bề tôi)

О должном поведении подданных

Алое сердце озарено солнечными лучами,

Государственный муж должен заботиться о народе, но что скрывается за этими словами?

Подобно И-иню и Фу Юэ он должен служить прилежно и верно, демонстрируя свою добродетель³⁶,

Брать за образец Чжан Ляна и Хань Синя, чья репутация дороже золота³⁷.

³⁵ Hòì Tao Đản. Tác giả-tác phẩm /chủ biên – Lam Giang. – Hà Nội: nhà xuất bản khoa học, 1993. Tr.32.

³⁶ И-инь и Фу Юэ – добродетельные подданные китайского императора династии Шан.

³⁷ Чжан Лян и Хань Синь – талантливые чиновник и генерал первого императора династии Хань Лю Бана.

Быть спокойным внутри, внешне выразить восхищение, но обладать силой,
способной перевернуть землю,

Всего себя отдавать заботам о народе, забыв о праздности.

Прославиться он должен своей честностью, стать главой большого рода

Подобного пышной и густой стене из сосен и кипарисов.³⁸

4. Minh lương (При мудром правителе подданные добродетельны)

5. Anh hiền (О людях талантливых и мудрых)

6. Kỳ khí (О людях с выдающимся талантом)

7. Thư thảo (Небрежное письмо или цаошу)

8. Văn nhân

Хвалебное слово литератору

Ранним вечером сидел у окна, погруженный в чтение стихотворения.

Стиль его возвышен, замысел необычен и свеж,

Пожалуй, подобной чудесной манеры мы еще не видели.

Слова льются словно гладкий шелк, воистину это прекрасное литературное
произведение.

Сильный слог его будто вспышка озарил темное небо.

Восхитительные строки стиха тронут даже духов,

А чистота замысла сравнима лишь с белизной драгоценного жемчуга,

Стихотворение исполнено нежностью и весенней свежестью.³⁹

9. Mai hoa (Цветы сливы)⁴⁰

«Собрание двадцати восьми звезд словесности» обычно называют
литературным кружком при дворе императора, отмечая свободный, даже
можно сказать «дружеский» характер отношений между его членами. Однако
господствующая роль в кружке, а следовательно и в творческой деятельности
отводилась императору Ле Тхань-тонгу. Именно император задавал темы для

³⁸ Hội Tao Đàn. Tác giả-tác phẩm /chủ biên – Lam Giang. – Hà Nội.: nhà xuất bản khoa học, 1993.Tr.33.

³⁹ Lịch sử văn học Việt Năm, tập 1. – Hà Nội: Khoa học xã hội, 1980. С.237.

⁴⁰ Bùi Duy Tân. Hội Tao đàn/ Hoàng đế Lê Thánh Tông : Nhà chính trị tài năng, Nhà văn hóa lỗi lạc, Nhà thơ lớn. – Hà Nội.: Khoa học xã hội, 1998. Tr.368.

сочинительства, выбирал рифму, размер, остальным членам общества приходилось творить, следуя определенному образцу. Не стоит говорить об абсолютной идентичности и безликости стихотворений, созданных литературным кружком, но определенные рамки все же существовали. Император ценил литературный талант придворных мужей, сравнение членов кружка со звездами на небе лишь подтверждает высокую оценку их творчества. Однако это был кружок, сложившийся *вокруг* императора и *подчиняющийся* ему, и Ле Тхань-тонг был его безоговорочным лидером. Вьетнамский исследователь Буй Зуи Тан для описания творческого процесса «Собрания,...» использует глагол “*xương họa*”⁴¹, что можно переводить как «творить в кругу друзей», однако у морфемы “*họa*” есть значение «отвечать на чужие стихи своими, используя тот же ритм и размер». Действительно, уважительные отношения между членами кружка все же сочетались с необходимостью следовать заданной модели, подчиняться созданным императором форме и содержанию.

Император Ле Тхань-тонг занимал высшую должность в «Собрании двадцати восьми звезд словесности» не только благодаря своему положению, но и в силу большого литературного таланта. Эмиль Гаспардон в «Аннамитской библиографии» приводит следующий список произведений императора:

- сборник стихов «Блестящий правитель и талантливые чиновники» (*вьет. Minh Lương cảm tú, кит. 明良锦绣*)
- сборник стихов «Девять песен, сложенных в дивном саду» (*вьет. Quỳnh uyển cửu ca кит. 琼苑九哥*)
- сборник стихов «Сто поэм древности и наших дней» (*вьет. Cổ kim bách vịnh кит. 古心百咏*)
- сборник стихов «Собранье стихов весеннего облака» (*вьет. Xuân vân thi tập кит. 春云诗集*)

⁴¹ Bùi Duy Tân. Hội Tao đàn/ Hoàng đế Lê Thánh Tông : Nhà chính trị tài năng, Nhà văn hóa lỗi lạc, Nhà thơ lớn. – Hà Nội.: Khoa học xã hội, 1998. Tr. 369.

- сборник стихов «Призыв к культурности» (*вьет. Văn minh cổ xúy kìm. 文明鼓吹*)
- «Драгоценная жемчужина моря, где плавают острова бессмертных» (*вьет. Tìkì hải minh chvi kìm. 仙海明珠*)⁴² Это сочинение считается утраченным. Скорее всего входило в свод «Досуг небесного юга» (*вьет. Thikì nam dэ hậ tập, kìm. 天南余暇集*) – огромный свод текстов. По приказу Ле Тхань-тонга двое придворных литературных чиновников, Тхан Нян Чунг и До Ньюан, собрали и объединили в единый многотомный свод законы, приказы, нормативные акты, а также литературные произведения Ле Тхань-тонга и других участников придворного литературного кружка «Собрания двадцати восьми звезд словесности». К сожалению, большая часть произведения утрачена, из оригинальных ста томов остались единицы.⁴³

⁴² Gaspardone, Emile, Bibliographie annamite//Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 34, 1934.

⁴³ Thiên Nam Dur Hậ Tập//Yale University library. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://findit.library.yale.edu/catalog/digcoll:17828> (дата последнего обращения 10.05.16)

Глава 3. Новелла. Дальневосточная новелла.

«Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом» отечественными востоковедами традиционно называются сборником новелл (*truyên ky*) по аналогии с уже устоявшимся термином «китайская новелла» или чуаньци, повлиявшей на формирование данного литературного жанра во Вьетнаме. Однако, следует понимать, что новелла дальневосточная по форме и содержанию заметно отличается от новеллы в нам привычном европейском понимании. Более того, не существует единого теоретического определения новеллы в силу масштабности как временных, так и географических границ ее существования. Уместно говорить скорее о разных вариантах данного жанра, каждый из которых сформировался в определенных культурно-исторических условиях.⁴⁴

Под новеллой традиционно понимают повествовательное прозаическое произведение, для которого характерны:

- краткость. Именно краткость отделяет новеллу от других эпических жанров – романа и повести, сближая при этом со сказкой, анекдотом, быличкой;
- острый, возможно, парадоксальный сюжет. Гете охарактеризовал новеллу как описание «неслыханного события». Можно встретить также варианты «удивительное происшествие», «чудесное», «необычный случай».

Некоторые исследователи говорят об обязательном «поворотном пункте» повествования, иногда отождествляя его с «чудесным-удивительным событием», иногда выделяя его в качестве отдельного элемента. Во втором случае «поворотный пункт» означает ярко выраженную кульминацию и необычную развязку;

- «осколочность». Новелла не претендует на изображение целостной картины мира. Она изображает лишь фрагмент, одно удивительное событие из жизни героя.⁴⁵

⁴⁴ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: изд-во «Наука», 1980. С.3.

⁴⁵ См. там же. С.4-6.

Классическая европейская новелла сформировалась к четырнадцатому веку, и наиболее известным ее примером считаются новеллы, составившие «Декамерон» Боккаччо. Произрастая из ранних фольклорных и книжных источников – мифов, легенд, сказок и анекдотов – новелла прошла и через промежуточную стадию, которую называют ранней фольклорной формой новеллы. Она представлена двумя формами: новеллистической сказкой и анекдотическим сказом. Анекдотический сказ характеризуется парадоксальностью сюжета и строится на отчетливых противоречиях, на абсолютной нереальности и комичности. В подобных сказках дурак четко противопоставлен мудрецу, который зачастую является и хитрецом, плутом. В отличие от более поздних форм новеллы, тяготеющих к реалистичному изображению персонажей, герои анекдотического сказа однобоки, а их характеры доведены до абсурда.⁴⁶

Новеллистическая сказка, в свою очередь, развилась из волшебной и сразу от нее отделилась. При всей своей фантастичности волшебная сказка отражает устойчивую, уже сложившуюся и закрепившуюся в сознании картину мира, и герои сказки в процессе повествования проходят через своеобразный ритуал становления, «обряд инициации», который является неотъемлемым фрагментом героической биографии. Новелла же претендует на изображение удивительного, необычайного события, никогда ранее с героями не случавшегося. Е.М.Мелетинский в своей работе «Историческая поэтика новеллы» отмечает, что решающий момент в трансформации волшебной сказки в новеллистическую – это замена волшебной силы, выручающей героя, на его собственные хитрость и ум.⁴⁷ Волшебные зачарованные предметы или звери-помощники по-прежнему могут присутствовать в сюжете, однако ключевую роль играют уже личные качества героя. Нередко в новеллистических сказках волшебные силы заменяются волей судьбы, рока, способной влиять на ход событий и

⁴⁶ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: изд-во «Наука», 1980. С.27-28.

⁴⁷ См. там же. С.13.

направлять героя. Таким образом, если новеллистическая сказка и не лишена чудес полностью, то все же их роль в повествовании заметно ограничена.⁴⁸ Здесь необходимо оговорить существенное различие между новеллой западной и дальневосточной, а именно китайской. Западная новелла в ее классической форме практически полностью освободилась от следов сказки. Лишь в эпоху романтизма, сказочность и волшебство на короткий срок объединились с новеллой. Результатом подобного синтеза являются знаменитые новеллы Гофмана, созданные в начале девятнадцатого века. Китайские новеллы, сформировавшиеся на основе рассказов о духах III-IV вв. и вобравшие в себя элементы мифологии, жизнеописаний и традиционных верований, так до конца и не расстались с фантастическими и волшебными элементами, и в этом их принципиальное отличие от новеллы в ее классической форме.

Кроме того, одним из главных признаков трансформации ранней фольклорной новеллы в новеллу классическую зрелую Е.М.Мелетинский считает окончательное исчезновение дидактики, однозначных оценок человеческих качеств и поступков. Для новеллистической сказки характерна жесткая «ситуативность», герои действуют согласно заданным формулам и установкам, их нравственный выбор не выходит за пределы простой оси «добро-зло». В новелле же на передний план выходят индивидуальные качества героя, он поступает исходя из личных убеждений и правил, при этом отмирает и прямолинейная дидактика.⁴⁹ Все это характерно для западной новеллы, тогда как дидактическая часть, или часть с нравоучениями, является едва ли не ключевым признаком вьетнамской и корейской новелл.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что хоть восточная новелла, и в частности китайская, выделяется как отдельный своеобразный

⁴⁸ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. — М.: изд-во «Наука», 1980. С.10.

⁴⁹ См. там же. С.75.

вариант новеллы, она в большей степени напоминает новеллистическую сказку, нежели классическую новеллу в ее европейском понимании. Новеллистическая сказка еще не до конца избавилась от характерных черт волшебной сказки, а потому в ней сохраняются элементы мифологии, фольклора, примитивных суеверий. В отличие от новеллы эпохи Возрождения, лишенной «примерности» и дидактизма, в новеллистической сказке существуют моральные и социальные рамки, которые ограничивают героев и влияют на их поступки.

Китайская новелла чуаньци (传奇 рус. «повествование о необычном, удивительном»), по мнению исследователей, своими корнями уходит к рассказам о духах III-VI вв. Л.Н. Меньшиков описывал их следующим образом: «Сяшо III-VI вв. представляют собой короткие рассказы (от одной-двух строк до одной-полутора страниц) о страшных и невероятных происшествиях или же записи об удивительных случаях, происшедших с известными людьми». ⁵⁰ Если рассказы о духах в первую очередь претендуют на изложение факта, описание события, то развившиеся из них чуаньци уже стремятся к художественной ценности. ⁵¹

Термин чуаньци впервые был употреблен в IX веке в заглавии сборника рассказов китайского автора Пэй Сина «Повествование об удивительном». Позднее на рубеже X-XI вв. наименование сборника превратилось в литературный термин. ⁵² Чуаньци развивались и трансформировались в течение нескольких столетий, все же сохраняя в той или иной степени свои родовые признаки – сказочность сюжетов и фольклорный, мифологический характер образов. ⁵³ При всей своей самобытности чуаньци зачастую характеризуется как недостаточно четко обозначенный жанр. Некоторые

⁵⁰ Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений». Ответственный редактор Б.Л. Рифтин. Предисловие, перевод и комментарии Л.Н. Меньшикова. – М.: Восточная литература, 1963. С.5.

⁵¹ Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. – М.: Наука, 1980. С. 72.

⁵² См. там же. С.4.

⁵³ См. там же. С.65.

исследователи справедливо отмечают, что под термином чуаньци могут пониматься произведения разного содержания.⁵⁴

Китайская новелла чуаньци повлияла на формирование аналогичных жанров в Корее, Японии и Вьетнаме. Вьетнамская новелла подобно китайской возникла как слияние повествовательного фольклора и традиционной исторической прозы с добавлением даосских и буддистских притч и легенд, элементов жизнеописаний.

Процесс зарождения и развития вьетнамской новеллы традиционно соотносят с четырьмя наиболее известными литературными памятниками, а именно со следующими сборниками:

- «Собрание чудес и тайнств земли Вьет» Ли Те Сюйена («*Việt điện u linh tập*»), сборник датирован 1329 годом;
- «Дивные повествования земли Линьнам» («*Lĩnh Nam chích quái*») Ву Куиня и Киеу Фу, сборник создан в пятнадцатом веке;
- «Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом» («*Thánh Tông di thảo*»), также пятнадцатый век;
- произведение Нгуен Зы «Пространные записи рассказов об удивительном» («*Truyện kỳ mạn lục*»), датируются началом шестнадцатого века.

Рассказы первых двух сборников в силу их стилистических и сюжетных особенностей сложно назвать новеллами и приравнять к произведениям Ле Тхань-тонга и Нгуен Зы. Тем не менее сборники Ли Те Сюйена, Ву Куиня и Киеу Фу должны быть кратко описаны в данной работе, так как они сыграли свою роль в формировании вьетнамской новеллы и стали ступенью, предшествовавшей ее окончательному становлению.

Сборник Ли Те Сюйена представляет собой записи подвигов «помогающих» духов, т.е. духов, имеющих заслуги перед родиной и за свои поступки награжденных особыми титулами. В основе произведения лежит желание автора упорядочить сложный комплекс вьетнамских духов и воздать

⁵⁴ Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. – М.: Наука, 1980. С.5.

хвалу тем из них, кто был полезен вьетнамскому народу.⁵⁵ Рассказы строятся по общему принципу: начинаются с краткого описания происхождения духа, затем идет повествование о его подвиге, чудесном поступке на благо родины, завершается новелла перечислением титулов, пожалованных духу-покровителю в разные годы. Если вспомнить характеристику, данную Л. Н. Меньшиковым рассказам-быличкам, или рассказам о духах, III-VI вв., а также вспомнить их принципиальное отличие от чуаньци, то создается впечатление, что рассказы в сборнике «Собрание чудес и тайнств земли Вьет» все же больше напоминают именно рассказы о духах. Ли Те Сюйен кратко описывает удивительное событие, а именно встречу и помощь духа, и достаточно трафаретно изображает персонажей, именно поэтому рассказы этого сборника зачастую характеризуются как причудливый сплав летописи, жизнеописаний и фольклора.⁵⁶

Сборник «Дивные повествования земли Линьнам» был создан спустя сто лет после произведения Ли Те Сюйена. Неизвестно, кем и когда были созданы рассказы, которые легли в основу сборника, записей об этом не сохранилось. Ву Куинь и Киеу Фу выступили как редакторы произведения, ими также были написаны предисловие и послесловие к сборнику. Редакторы хотели в своей работе отразить распространенные среди вьетнамского народа легенды и суеверия. Вместе с этим Ву Куинь отмечает в предисловии к сборнику, что все описанное, хоть и выглядит удивительно, но отнюдь не фантастично и тесно связано с историей Вьетнама. «Наша страна берет свое начало от Хунг-выонгов. Она росла, развивалась и культура. Пройдя через династии Чиеу, Нго, Динь, Ле, Ли, Чан, наша страна наконец достигла расцвета, поэтому необходимо записать события прошлых дней для большей ясности... Во всех этих удивительных историях разве нет исторической

⁵⁵ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.198.

⁵⁶ См. там же. С.203.

правды? »⁵⁷ Сборник «Дивные повествования земли Линьнам» был призван не только увековечить чудесное удивительное событие, но вместе с тем и развлечь читателя. Рассказы Ву Куиня и Киеу Фу уже не обладают сухостью изложения, свойственной их предшественнику, персонажи начинают обретать характеры, а стиль становится легче и естественней.

Наконец, произведение Нгуен Зы «Пространные записи рассказов об удивительном», датированное шестнадцатым веком. Данный сборник хоть и возник несколько позже новелл Ле Тхань-тонга, все же заслуживает краткого упоминания. Принято считать, что произведение Нгуен Зы представляет собой вьетнамскую адаптацию известного китайского сочинения, созданного в пятнадцатом веке Цюй Ю и озаглавленного как «Новые рассказы у горящего светильника».⁵⁸ Новеллы Нгуен Зы, как это ясно из названия, также являются свидетельством существования потустороннего и удивительного, однако с точки зрения стилистики и художественности они ушли гораздо дальше своих вьетнамских предшественников. Сборник «Пространные записи рассказов об удивительном» завершает процесс становления вьетнамской новеллы, растянувшийся на двести лет.

Кратко описав три известных произведения вьетнамской старинной прозы, мы наконец можем приступить к анализу четвертого сборника, автором которого выступил император Ле Тхань-тонг.

⁵⁷ Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí, T.IV. – H., 1961. Tr.119.

⁵⁸ Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. – М.: Наука, 1980. С.250.

Глава 4. "Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом". Общие характеристики сборника.

Сборник «Сочинения, оставленные Тхань-тонгом» состоит из девятнадцати новелл, написанных на ханване. Новеллы написаны в прозе, однако нередко встречаются стихотворные вставки.

Существует несколько мнений относительно происхождения и авторства данного литературного памятника. Б. Рифтин в послесловии к сборнику «Повелитель демонов ночи» высказывает три следующих:

- автором является сам император Ле Тхань-тонг, таким образом, произведения, составляющие сборник, могут быть датированы пятнадцатым веком;
- сборник есть ни что иное, как поздняя искусная подделка. Аргументом, подтверждающим данную точку зрения, исследователи считают топонимы, использованные в тексте. В тексте упоминается "Ханой", хотя это название появилось лишь в 1831, сменив прежнее название столицы – Тханглонг. Если придерживаться данной версии, то сборник следует воспринимать как произведение, составленное уже в девятнадцатом веке;
- частичное авторство Ле Тхань-тонга не оспаривается, однако, допускается, что некоторые изменения, а возможно и целые новеллы, были добавлены позднее.⁵⁹

Вопрос относительно происхождения сборника по сей день остается открытым. Сами новеллы были переведены на современный вьетнамский язык и впервые изданы только в 1963 году в Ханое. Как уже отмечалось во введении, значительная часть новелл была переведена отечественным вьетнамистом М. Ткачевым и вошла в сборник старинной вьетнамской прозы «Повелитель демонов ночи». Также перевод двух новелл был выполнен А.М. Печериным в ходе его работы над магистерской диссертацией.

⁵⁹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.209.

В качестве особенностей сборника можно выделить следующие. Во-первых, в новеллах всегда присутствует элемент удивительного. Во вьетнамской литературе его называют «*yếu tố kỳ ảo*»⁶⁰, что можно перевести как элемент чудесного. Однако сразу необходимо оговорить, что под чудесным понимаются не только истории о потусторонних силах, волшебных существах и духах. В своих новеллах автор рассказывает о каком-то случае, не вписывающемся в привычную жизнь, о странном, необычном событии, способном стать уроком для читателя. Более того, для Ле Тхань-тонга именно характеры персонажей стоят всегда на первом месте. В новеллах императора удивительное событие, чудеса и волшебство используются как фон, как необходимые условия, в которых раскрывается личность героев, демонстрируются их добродетели и пороки.

Во-вторых, для новелл характерно наличие дидактической части, иначе говоря, части с нравоучениями. Б. Рифтин отмечает, что манера использовать нравоучения пришла в художественную литературу из историографической прозы и нередко использовалась в произведении знаменитого историографа династии Хань Сыма Цяня "Исторические записки".⁶¹ Однако, будучи значимыми в литературе исторической, нравоучения играют не менее важную роль и в художественных произведениях, главным образом, благодаря тому, что именно в дидактической части раскрывается основная идея текста, причина его создания и, более того, личное мнение автора, тогда как в основной части текста оно может быть совсем не очевидно.

Наконец, новеллы за редким исключением обладают единой композиционной структурой. Новеллы начинаются с указания на пространственные или временные границы происходящего события, вводятся ключевые персонажи. Например: «Шел четвертый год под девизом правления Тхуан-тхиен...» или «В горной долине – Шон-ла, что в округе

⁶⁰ Lê Nhật Ký. Yếu tố kỳ ảo trong Thánh Tông di thảo / Hoàng đế Lê Thánh Tông : Nhà chính trị tài năng, Nhà văn hóa lỗi lạc, Nhà thơ lớn. – Hà Nội: Khoa học xã hội, 1998. Tr.449.

⁶¹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.21.

Хынг-хоа (Несчетные преображенья), жил юноша по имени Тю Шинь...»⁶². Далее следует повествование о том или ином удивительном событии, произошедшем с героями, завершается новелла нравоучением от автора. Новеллы не связаны общей сюжетной линией или персонажами, они не вписаны в одну повествовательную «рамку». Лишь в нескольких случаях Ле Тхань-тонг «вмешивается» в повествование и становится героем новеллы – мудрым правителем, способным благодаря своей проницательности и справедливости разрешить любые неурядицы и конфликты, победить нечистые силы и вернуть мир в государстве (новеллы «История мыши-оборотня», «Записанный сон»).

Герои новелл Ле Тхань-тонга действительно сталкиваются с необычным и поразительным, но император не останавливается на простом изложении фактов, он не пересказывает уже известную историю. Взяв за основу легенды и народные суеверия, Ле Тхань-тонг дополняет ее деталями, развивает характеры персонажей, демонстрирует их способность меняться в зависимости от происходящего. Забегая вперед, можно сказать, что в сборнике «Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом» есть новелла, сюжет которой встречается в другом уже упомянутом выше произведении – «Дивные повествования земли Линьнам» Ву Куиня и Киеу Фу. В своем варианте изложения император развивает легенду, привносит в нее сатирический оттенок, а заключительная дидактическая часть превращает необычное событие в урок для читателя. Фантазия и вымысел становятся тем ключевым и поворотным моментом, после которого собиратель мифов и народных легенд становится автором художественного произведения.

В предыдущей главе отмечалось, что китайская чуаньци, безусловно, оказала влияние на формирование аналогичного жанра во Вьетнаме. Следует кратко отразить сходства и различия между вьетнамской и китайской новеллами. В китайских новеллах сюжет также развивается на фоне неких

⁶² Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.120.

волшебных удивительных событий. Однако, если Ле Тхань-тонг использует элемент мистики, волшебства в первую очередь как фон для демонстрации характеров персонажей, их нравственных качеств, то в китайских чуаньци фантастика существует как своеобразный прием, с помощью которого читателю демонстрируются все несовершенства реального мира, реального общества.⁶³ О. Фишман в предисловии к сборнику «Танская новелла», вобравшему в себя наиболее яркие произведения жанра чуаньци VIII-IX вв., отмечает, что герои китайской новеллы вступают в конфликт с реальным миром, они недовольны существующим положением вещей. Фантастика же лишь способ восстановить справедливость.⁶⁴ Подобную позицию высказывает и К.И. Голыгина по отношению к более позднему произведению чуаньци – сборнику Цюй Ю «Новые рассказы у горящего светильника», датированному четырнадцатым веком. Новеллы данного сборника сохраняют типичные черты и основные мотивы волшебной новеллы, но на первое место выходит социальная тема, острые жизненные конфликты. В волшебной новелле появляется новая тема – судьба человека в мире насилия.⁶⁵ В новеллах Ле Тхань-тонга тоже можно встретить элементы сатиры, критики современного для императора общества (новелла «Перебранка двух Будд»), но это скорее исключение, чем правило. Во вьетнамских новеллах императора центральное место занимают все же нравственные качества героев, их выбор в сложной ситуации.

Что касается нравственного подтекста, столь характерного для новелл Ле Тхань-тонга, то он не чужд и китайским чуаньци. А.Н. Желоховцев отмечает, что моральная дидактика усилилась в танских новеллах в конце VIII — начале IX в., в период, последовавший за мятежом Ань Лушаня. Новеллисты,

⁶³ Фишман О. Танские новеллы. – М.: Художественная литература, 1960. С.6.

⁶⁴ См. там же.

⁶⁵ Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. – М.: Наука, 1980. С.154.

ранее скрывавшие свое наставление в повествовании, теперь переходят к открытому назиданию.⁶⁶

Наконец, стремление доказать истинность рассказанного события нередко называют характерной чертой китайской чуаньци и танской новеллы в частности.⁶⁷ Рассказчик либо становится свидетелем повествования, либо старается доказать свою причастность к другим очевидцам описанных событий. Так, например, новелла известного китайского автора эпохи Тан Ли Гунцзо «Правитель Нанькэ» заканчивается следующими словами: «Я, Ли Гунцзо, в восьмую луну осени восемнадцатого года «Чжэньюань» <...> встретился там с Фэнь Чуньюем и стал расспрашивать его о том, что с ним произошло. Позднее я несколько раз посетил его. Чуньюй рассказал мне о многом, и все это были дела, действительно имевшие место в жизни. Из этих рассказов и возникло стройное повествование, весьма интересное и поучительное».⁶⁸ Подобного принципа придерживаются и вьетнамские авторы новелл, используя в качестве доказательств истинности точные указания на время и место удивительного происшествия. Ле Тхань-тонг же хоть и следует данному принципу в основной части повествования, в заключительной дидактической части иногда опровергает все вышесказанное. Император пишет в своем нравоучении, что все описанное не более, чем выдумка, и эти невероятные события никогда не происходили в действительности.⁶⁹ Однако он все-таки отмечает, что даже выдуманное событие может быть полезно, и внимательный читатель вынесет из него урок. Кроме того, Ле Тхань-тонг всегда обращает внимание на то, что мир наш полон загадок и чудес, и порой самые необычайные вещи мы не видим в силу своей невнимательности.⁷⁰

⁶⁶ А.Н. Желоховцев. Танская новелла. //ФЭБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl2/vl2-1322.htm?cmd=2> (дата последнего обращения 20.04.16)

⁶⁷ См. там же.

⁶⁸ Фишман О. Танские новеллы. – М.: Художественная литература, 1960. С.75.

⁶⁹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С. 146.

⁷⁰ См. там же. С.170.

Глава 5. «Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом».

Анализ новелл.

В новеллах Ле Тхань-тонга граница между земным и волшебным совершенно размыта. Все персонажи, будь то люди, или небожители, обладают разными характерами. Это могут быть как добродетельные качества: верность, мудрость, справедливость, любовь, так и весьма отрицательные: трусость, алчность, похоть, подлость. Все персонажи так или иначе поставлены автором в определенные условия, обнажающие перед читателем их истинные лица. Нередко именно божества становятся объектами насмешки со стороны императора. Рассмотрим две новеллы, которые условно можно определить как сатирические. В первой из них, названной «Перебранка двух Будд», Ле Тхань-тонг смело и иронично рисует перед читателями образ последователей буддизма. Новелла начинается с описания разрушительного наводнения, обрушившегося на вьетнамскую землю. По завершении потопа император направляется в ладье самолично осмотреть повреждения и в одной из пагод слышит голоса двух Будд: глиняного и деревянного, ревностно обличающих друг друга: «И вот после того, как обнаружилась позорная твоя немощь, у тебя еще хватает бесстыдства сидеть выше Нашего и втрое против Нашего получать даров!». Автор не скупится на подробное описание внешности разъяренных, спорящих статуй: «усы у него стояли торчком, словно наконечники копий, четырехугольное лицо имело в ширину целый тхыок...красный от злости глиняный Будда кричал деревянному».⁷¹ Перебранку сварливых статуй прерывает появление Будды Сакьямуни. Сакьямуни осуждает и порицает недостойное поведение статуй, в столь тяжелое для народа время погрязших в «отвратительной праздности». Казалось бы, появляется образец, способный усюветить любого своим примером. Однако изображен Будда Сакьямуни

⁷¹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.112.

несколько нестандартно: «с флягой вина в руках; охмелевший, он сделал несколько неверных шагов по пагоде».⁷²

В дидактической части автор лишь подчеркивает свое категоричное отношение: «ежели поразмыслить, то оба Будды стоят друг друга, а вернее – не стоят ничего...Стало быть, прав был Будда Сакьямуни, их порицавший. Но сам-то он, пьяница, разгуливающий с флягою вина, приносит ли какую-нибудь пользу людям? Нет, он ничуть не лучше тех двух Будд!». Наконец автор размышляет о пользе и необходимости подобной новеллы, утверждая, что «бездельники и тунеядцы, без сомнения, не раз утрут пот со лба, а многие затворники в монастырях...решат...немедля возвратиться на правильную стезю и уж более не дадут завлечь себя на пути бесполезные да и лживые».⁷³ Сатирическое изображение волшебных статуй и самого Будды Сакьямуни становится жестокой критикой буддизма и его последователей.

Во второй сатирической новелле сборника «Принцесса Нефрита обретает супруга» божества становятся олицетворением уже человеческих пороков. Сюжет следующий: император Нефрита, желая выдать свою единственную прекрасную дочь замуж за достойного человека, объявляет о начале состязаний женихов. Услыхав это известие, хвастливые Повелитель гор и Повелитель вод решили принять участие в борьбе за право обрести супругу. Оба Повелителя прибыли ко двору и, желая удивить императора, старались продемонстрировать все чудеса, на какие они были способны. «Повелитель гор взмахнул рукой в сторону дворцового входа, и в тот же миг поднялась там высокая гора; там порхали и садились прекрасные птицы, разгуливали диковинные звери. Стоило сделать шаг в сторону, и картина принимала тысячи изменений... Император Нефрита наклонил голову и изрек: «Великий искусник!...» Тогда Повелитель вод высунул язык с магическими письменами, и в тот же миг вход во дворец превратился в морскую пучину.

⁷² Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.113.

⁷³ См. там же. С.114.

Наивысочайшие горные цепи скрывались под водою, а из-под воды вырывалось пламя, развевавшееся подобно множеству знамен... В единственный миг сменились тысячи очертаний и тысячи красок. Император Нефрита наклонил голову и молвил: «Великий искусник!». Упиваясь своим самодовольством, Повелители гор и вод были уверены в собственной победе, однако во дворец зашел еще один участник состязаний - обычный человек. Император заинтересовался и попросил незнакомца объяснить, почему именно он достоин руки принцессы Нефрита. Молодой человек с достоинством ответил, что даже самые могущественные духи используют свои чудеса лишь для обмана, ведь их власть ограничена и не может сравниться с властью людей, а особенно с властью императора: «Сколь ни высока гора, люди восходят по ней до вершины; сколь ни велико море, но корабельщики переплывают его от берега до берега... Император, Сын Неба, владеет всем видимым миром». ⁷⁴ Император Нефрита, услышав столь мудрые речи, объявил молодого незнакомца своим зятем.

Земное и удивительное в этой новелле сосуществуют в одном измерении. Более того, человек, столкнувшись с небожителями, выходит победителем из состязания. Повелители гор и вод демонстрируют совершенно людские пороки: хвастливость, зависть, тщеславие, и их волшебные таланты утрачивают свою значимость. Вместе с этим исчезает и превосходство божеств над смертным человеком.

Сюжет новеллы «Принцесса Нефрита обретает супруга» уже встречался в средневековой вьетнамской литературе. Похожая легенда записана в сборнике Ву Куиня и Киеу Фу «Дивные повествования земли Линьнам» и называется «Рассказ о Горе-балдахине». Ле Тхань-тонг в своем варианте не просто пересказывает уже существующую легенду, а использует персонажей для изображения пороков и добродетелей. Само состязание отходит на второй план, и читатель видит победу мудрости и честности над

⁷⁴ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.161-162.

хвастовством. Ву Куинь и Киеу Фу же в своей новелле фиксируют старинное предание, лишенное нравственного подтекста. Кроме того, их произведение исполняет одну из основных функций легенды – объяснение того или иного явления, предмета, обычая или географического названия. В данной новелле они пишут о том, как в глазах вьетнамского народа легенда связалась с природными явлениями: «С тех пор это случается всякий год в седьмом и восьмом месяцах. Налетают ветры, вздуваются реки, они губят посевы...Говорят, будто это Дух гор и Дух вод сражаются из-за прекрасной Ми Ньонг.»⁷⁵ Две версии одной легенды четко демонстрируют принципиальное отличие императора Ле Тхань-тонга и его сборника от других вьетнамских произведений аналогичного жанра. Ле Тхань-тонг стремится превратить народное предание в урок, именно поэтому он фантазирует и развивает образы персонажей. В отличие от других вышеупомянутых авторов, создававших новеллы, императора сложно назвать просто собирателем легенд.

В двух сатирических новеллах сборника, автор наделяет божественных персонажей отрицательными качествами. Однако во многих новеллах героидухи являются нравственным образцом для читателя, а их смелость, верность, способность любить воспеваются императором.

Новелла "История о чуде в семье рыбака" повествует о девушке Нгоа Ван, изначально имевшей облик рыбы, но превратившейся в человека и вышедшей замуж за сына рыбака по имени Тхук Нгы. Была она женой скромной и кроткой, а невесткой исключительно покладистой и добродетельной. Вскоре счастливой семье пришлось столкнуться с серьезным испытанием – на их деревню обрушилось сильнейшее наводнение. Чтобы спасти мужа и его родителей, Нгоа Ван приняла свой первоначальный облик рыбы и преградила путь воде. К сожалению, продемонстрировав свою сущность, Нгоа Ван больше не могла находиться

⁷⁵ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.94.

среди людей и была вынуждена навсегда покинуть горячо любимого мужа и новую семью: «Я выдала тайну. О, только бы вашей семье не выпали беды, что мне, горемычной, грозит!... Тхук Нгы, мое сердце! Прощай! О нет мне дороги назад!». ⁷⁶ Девушка оказывается поставленной автором в исключительные обстоятельства, способные раскрыть ее добродетельные качества. Оказавшись лицом к лицу с выбором между собственными чувствами, счастливым браком и необходимостью спасти жизнь родителей мужа, девушка приносит свою любовь в жертву. Таким образом, добродетельная Нгоа Ван следует одному из главных постулатов конфуцианства – сыновней почитательности.

В новелле «История двух девушек-духов» главные героини также не принадлежат к миру людей. Одна из женщин была божеством водного царства, а вторая – женой горного духа. Однако сам Ле Тхань-тонг в части с нравоучением утверждает: «Прочитав этот текст, вы увидите, что мир мертвых не отличается от мира живых: в нем тоже есть место и верности, и любви». Как рассказывается в новелле, две женщины скитались по земному миру уже много лет, предсказывая судьбу людям на рынках и отдавая все заработанные деньги бедным. Никто не знал ни их имен, ни их прошлого. Только старому конфуцианцу открыли они свою тайну: обе женщины верно ждут своих любимых мужа и сына. Здесь следует отметить, что хоть новеллы повествуют об удивительном событии, историческая действительность постоянно присутствует в произведениях в том или ином виде. Например, в уже упомянутой новелле «Перебранка двух Будд» действие разворачивается на фоне наводнения, действительно произошедшем во Вьетнаме в период правления императора. Иногда героями новелл становятся реальные исторические личности. Так как Вьетнам с 1407-1427 гг. был оккупирован войсками китайской династии Мин, во многих вьетнамских произведениях, как литературных, так и прочих, китайские сановники и военачальники

⁷⁶ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.155.

выступают в качестве отрицательных персонажей. Так и в новелле «История двух девушек-духов» муж одной женщины-духа и сын другой покинули мир небожителей, дабы отомстить китайским генералу Ван Туну и сановнику Хуан Фуну за смерть близких. Который год женщины верно ждут своих любимых, не зная ни сна, ни покоя. Только узнав от старого конфуцианца, что их близкие погибли, выполняя свою миссию, и вернулись в мир духов, небожительницы покидают земной мир. В этой новелле Ле Тхань-тонга, героини представляются для читателя образцом верности и преданности как родному сыну, так и любимому супругу.

Если в описанных выше новеллах образцом добродетельных качеств были женщины, то в новелле «Дивная любовь в краю Хоа-куок» главный герой, молодой человек по имени Тю Шинь, своими поступками вызывает восхищение у читателя. Тю Шинь, будучи сиротой, оставленным на попечение своего дяди, во снах попал в удивительное место, дворец в краю Хоа-куок. Все в этом краю потрясало своей изысканностью, роскошью, изяществом. Вдовствующая государыня этого волшебного края предложила Тю Шиню взять в жены ее единственную дочь, принцессу Монг Чанг и стать наследным принцем диковиной страны. Тю Шинь с радостью согласился и на протяжении нескольких лет продолжал в своих сновидениях отправляться в край Хоа-куок к своей жене и родившемуся сыну. Однако, прибыв однажды во дворец, Тю Шинь застал государыню опечаленной. На вопрос обеспокоенного зятя она ответила: «Вражье племя Черноперых орда за ордой надвигается на Нас. Народ Наш и воины гибнут во множестве; из каждых трех одного уже нет в живых. Мы решили завтра же перенести отсюда столицу, и с каждым часом будем удаляться все дальше и дальше».⁷⁷ Тю Шинь понял, что ему придется навсегда разлучиться со своей женой и сыном, сердце его разрывалось от горя и печали. Проснувшись в своем бедном доме в одиночестве, молодой человек обнаружил в кошельке

⁷⁷ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.128.

диковинный листок, с начертанным на нем посланием-восьмистишьем от Монг Чанг.

Лишь пятнадцать лет спустя смог Тю Шинь раскрыть истинный смысл этих строк. В своем послании супруга указывала ему путь к месту их долгожданной встречи. Надежда вновь увидеться со своей новоприобретенной семьей дала Тю Шиню силы усердно учиться, сдать столичные экзамены, стать высоким вельможей и, наконец, получить от государя титул Главного военачальника.

Несмотря на, казалось бы, совершенно волшебное путешествие главного героя из мира реального в страну Хоа-куок, Ле Тхань-тонг под удивительным понимает скорее способность человека изменить себя и свою жизнь под властью сновидения. Удивительный мир грез дает возможность бедному студенту превратиться в высокопоставленного прославленного вельможу. Это ли не чудо? В дидактической части император говорит: «Виденья становятся явью, и все обретает свое завершение».⁷⁸ Вместе с тем он подчеркивает реальность происходящего, утверждая, что люди просто не замечают чудес вокруг себя и готовы считать любое удивительное происшествие небылицей.

Героями новелл Ле Тхань-тонга не всегда являются люди или духи. Автор нередко обращается к использованию животных персонажей в качестве аллегорий человеческих характеров. При этом, в части с нравоучениями он всегда отмечает, что хоть персонажи эти «всего лишь мелкие твари, однако изъясняются весьма достойно, а главное – справедливо», ничем не уступая людям. Например, главные герои новеллы «Послание комара» – два друга комара, Полевой и Домашний. Погостив раз у Полевого комара и оставшись недовольным, Домашний начал в красках расписывать свою жизнь в доме, сытую и спокойную. Польстившись на сладкие речи, комар Полевой сразу попросил погостить в таком приятном месте. И действительно, прилетев в

⁷⁸ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.140.

дом, комары досыта насытились и сели отдохнуть. Но хозяева, завидев насекомых, решили вытравить их едким дымом. Едва спасшись и выбравшись из дома, Полевой комар немедленно возвратился на свое привычное поле. Позже он написал письмо, в котором признал, что, польстившись на так красочно расписанную жизнь в хозяйском доме, он и не подумал о возможных недостатках и даже опасностях подобного существования. В своем письме он спросил друга, неужели чувство сытости и тепла в доме стоит таких волнений и риска. Ле Тхань-тонг наделяет двух комаров чувствами и мыслями, свойственными человеку, и поучает читателя. Мысль, понятная комару, должна быть понятна и людям. Польстившись на соблазнительные описания, желая достичь своих корыстных целей, мы так часто забываем о том, какую цену придется заплатить.

Не менее интересна новелла о двух потомках древней жабы. Героями произведения здесь стали волшебные жаба и лягушка, страстно захотевшие спуститься с небес в мир живых. Если жаба предстает животным добродетельным, благородным, честным и порядочным, то лягушка, наоборот, погрязла в злости, похоти, алчности. Жаба и лягушка животные неслучайные, ведь в древности в Юго-Восточной Азии среди местных верований был широко представлен анимализм, иначе называемый зоолатрией – совокупность обрядов и верований, связанных с религиозным почитанием животных. Земноводные, а именно жабы и лягушки, нередко представляли собой сакральное божество. Их изображения можно было найти высеченными на Донгшонских барабанах, датируемых ранним периодом развития вьетнамского государства.

Изображая человеческие характеры в облике лягушки и жабы, Ле Тхань-тонг демонстрирует и наказание, которое неминуемо коснется людей-«лягушек». В конце новеллы разъярённые люди ловят и убивают подлое животное.

Несмотря на возможную «сатиричность» и «несерьезность» некоторых произведений сборника, справедливость является одним из ключевых

элементов повествования. Все персонажи, как положительные, так и отрицательные, получают то, что заслужили. Возмездие настигает героев, при этом оно может выражаться в разных формах. Это может быть рок, судьба, а иногда справедливое наказание выносит сам император Ле Тхань-тонг, к которому персонажи обращаются как к мудрому и честному правителю.

Подобный урок, выраженный через наказание, к тому же вынесенное самим императором, можно найти и в новелле «История мыши-оборотня». Сюжет новеллы следующий: одна старая мышь, способная принимать любое обличье, воспользовалась отсутствием мужа и, приняв его облик, проникла в супружескую спальню, чтобы совершить прелюбодеяние. Жена не заметила подмены, и подобные «измены» продолжались на протяжении полугода. По возвращению, супруг был озадачен холодной встречей жены, казалось бы, даже не грустившей по нему в долгой разлуке: «Проводит супруга – и тут же замену найдет: к чему тосковать ей всю ночь напролет? И ночи одной в одиночестве не проведет».⁷⁹ Вскоре обман раскрылся, и мышь была поймана, однако никто не мог найти способа, чтобы убить оборотня. Наконец решено было обратиться к мудрому императору Ле Тхань-тонгу, и только ему удалось, обратившись к «светлейшему духу Фудонга», убить мышь-оборотня. Несмотря на традиционное нравоучение для читателя, новелла скорее несет идею возвеличивания императора Ле Тхань-тонга, победившего нечистые силы своей мудростью.

Сострадательность и мудрость императора воспеваются и в новелле «Записанный сон». Ле Тхань-тонгу во сне явились две девушки и попросили о помощи. Когда-то они жили при дворе императора Ли Као-тонга, но подлый придворный по имени Чан Лук выкрал их, чтобы продать и выручить большую сумму. Однако добрый крестьянин опередил Чан Луку и спрятал девушек. Только мудрый император мог помочь двум несчастным

⁷⁹ Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. С.176.

обрести покой. Чтобы обозначить место своего заточения, девушки оставили императору стихотворение, но никто из придворных мудрецов не мог расшифровать его. Тогда Ле Тхань-тонгу явилась фея с Западного озера и помогла разгадать тайный смысл послания. Из послания становится ясно, что две девушки – это духи золотого колокола и лютни, похищенных и спрятанных на долгие двести лет. Следуя советам феи, мудрый император Ле Тхань-тонг нашел закопанные сокровища и, таким образом, освободил девушек-духов. В части с нравоучениями, император рассказывает, что многие предметы могут становиться духами. Действительно, это довольно распространенный сюжет в дальневосточной литературе: предмет (особенно, если он уже давно существует на земле) способен с течением времени превратиться в духа, который будет преследовать живых, опутывая своими чарами. Избавиться от злого духа можно лишь уничтожив сам предмет. Так и поступает герой новеллы Ле Тхань-тонга – сжигает старый веник, тем самым изгоняя девушку-духа, возникшую из него.⁸⁰

Уже отмечалось, что под элементом удивительного в новеллах императора Ле Тхань-тонга не всегда понимаются волшебство или нечистая сила. Действительно, во многих произведениях речь идет об абсолютно нереальных событиях, таких как путешествия в иные миры, духах, принимающих человеческий облик, волшебных состязаниях. Но в сборнике также есть новеллы, абсолютно лишённые волшебного элемента. Именно такой является новелла, названная «История богатой нищенки». В ней нет божественных персонажей, чудесных превращений или волшебных путешествий. Речь идет лишь об удивительном событии, способном привлечь внимание читателя и стать для него уроком. Любопытно, что в предыдущих новеллах не составляло труда отличить положительного персонажа от отрицательного. Характеры были описаны достаточно примитивно и однозначно. Но в данной новелле не существует явной

⁸⁰ Печерин А.М. Вьетнамская фантастическая новелла: магистерская дисс. – Спб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С.29-35.

границы между грешниками и добродетельными людьми. Главная героиня – нищенка, одинокая женщины, без крыши над головой – вынуждена скитаться в поисках еды, перебиваясь редкими работами и милостыней. За годы подобной жизни она узнала, как нужно искусно подольститься к хозяину дома, чтобы получить большее подаяние. Когда женщина в одиночестве умерла, жители деревни пришли в ее дом, чтобы похоронить тело, как подобает. После погребения они решили сжечь жалкую хижину нищенки, однако под сожженным домом с удивлением обнаружили яму, полную связок серебряных монет, домашней утвари, посуды – все это нищенка прятала под домом, не желая тратить. Казалось бы, несчастная женщина влачила жалкое и унижительное существование, в любую погоду выходила побираться, не имела ни семьи, ни крыши над головой. Разве не жалости она достойна? Ле Тхань-тонг же обличает ее жадность и скупость, ведь дом нищенки полон спрятанных богатств, которых хватило бы на годы достойной жизни, а она все продолжала ходить с протянутой рукой, желая заработать больше. Да и жители деревни заслуживают порицания: по-настоящему все вспомнили о бедной нищенке, только когда пришло время делить ее сокровища.

Наконец, сразу бросается в глаза новелла «Рассказ о золотом шелкопряде там ванге». Своей композицией и тематикой она сильно отличается от других новелл сборника. Это записанное народное поверье о злой твари – там ванге, приносящей людям несчастья, болезни и смерть. Долгое время люди не знали, как избавиться от зловредного там ванга, только Кунмин⁸¹ придумал изгонять там ванга с помощью волшебного порошка. Новелла о шелкопряде там ванге единственная не завершается «Нравоучением мужа с Южных гор», кроме того у нее нет и традиционной вводной части – нет указания на время или место происходящего события. Несмотря на все отличия, новелла была переведена М. Ткачевым и включена в сборник «Повелитель демонов ночи»

⁸¹ Кунмин – Чжугэ Лян, китайский полководец и государственный деятель эпохи Троецарствия.

наравне с другими новеллами Ле Тхань-тонга.⁸² В оригинальном тексте новелла «Рассказ о золотом шелкопряде там ванге» (*«Truyện con tằm vàng»*) не включена в девятнадцать основных новелл и расположена после восьмой новеллы с пометкой «Приложение». В комментарии от составителей сборника (Ле Си Тханг и Ха Тхук Минь перевели оригинальное произведение на современный вьетнамский язык в 1963 году) сказано: «Это приложение пересказывает легенду о золотом шелкопряде там ванге, который обитает в горных ущельях и пещерах нашей страны. Оно было создано, чтобы пояснить выражение «становятся достоянием там ванга»⁸³, употребленное императором в части с нравоучением к предыдущей новелле «Дивная любовь в краю Хоа-куок».⁸⁴

⁸² Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. — М.: Художественная литература, 1969. С. 141.

⁸³ См. там же. С. 140.

⁸⁴ Thánh Tông di thảo. — Hà Nội: nhà xuất bản khoa học xã hội, 1963. Tr.83.

Заключение

В данной работе мы рассматривали сборник новелл, озаглавленный как «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом», в качестве образца литературного творчества императора. Основной целью работы являлся анализ как общих характеристик сборника, так и отдельных новелл, составляющих его. Кроме того, одна из глав данной работы посвящена прочим литературным произведениям императора, в особенности его поэтическому наследию и деятельности во главе придворного кружка литераторов, известного как «Собрание двадцати восьми звезд словесности». Наконец, «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом» отечественными востоковедами традиционно называются сборником новелл по аналогии с уже устоявшимся термином «китайская новелла» или чуаньци, повлиявшей на формирование данного литературного жанра во Вьетнаме. Дальневосточная новелла отличается от новеллы в ее европейском понимании, а потому в одной из глав были кратко выделены характерные черты классической европейской новеллы, а также описан процесс зарождения собственно вьетнамской новеллы.

В процессе работы над темой мы пришли к следующим выводам:

1. В сборнике новелл «Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом» можно выделить несколько характерных черт:

– в новеллах всегда присутствует элемент удивительного и чудесного (*yéu tó kù aó*). При этом чудесное событие не означает непременно встречи героев с духами или магией. В своих новеллах Ле Тхань-тонг стремится рассказать о событии, не вписывающемся в привычный уклад жизни, о происшествии, способным стать уроком для читателя;

– новеллы завершаются дидактической частью, иначе говоря, частью с нравоучениями. В сборнике Ле Тхань-тонга она озаглавлена как «Нравоучение мужа с Южных гор», именно в этой финальной части

раскрывается замысел автора и его мнение относительно описанного происшествия;

– новеллы за редким исключением обладают единой композиционной структурой. Начинаются с указания на пространственные и временные рамки, вводятся персонажи, далее следует основная часть, т.е. повествование об удивительном событии, завершается новелла, как было отмечено выше, частью с нравоучениями.

2. Вьетнамская новелла, действительно, сформировалась под влиянием китайских чуаньци, однако между ними наблюдается ряд отличий.

– в китайских чуаньци герой вступает в конфронтацию с реальным обществом, он недоволен сложившимся положением вещей и ищет справедливости. Удивительное и фантастическое есть способ восстановления справедливого порядка, а новелла приобретает социальный подтекст. Что касается произведений из сборника Ле Тхань-тонга, то они за редким исключением лишь отражают нравственные и душевные переживания героев, их выбор в сложной ситуации, пороки и добродетели;

– авторы китайских новелл утверждают, что описанные события происходили в действительности, а потому они стремятся подтвердить свою к ним причастность как прямую, так и косвенную. Ле Тхань-тонг же отмечает во многих новеллах, что описанные события лишь талантливая выдумка, созданная в качестве назидания, способная тем не менее быть правдой.

3. Император Ле Тхань-тонг обладал значительным литературным талантом, а его творчество представлено разными жанрами. Если новеллы Ле Тхань-тонга и произведение, написанное в жанре вантэ, частично переводились и исследовались отечественными востоковедами, то его деятельность во главе кружка литераторов и поэтические сборники оставались недостаточно изученными. Кружок возник в 1494 году, когда император сочинил девять стихов и велел талантливым литераторам при дворе последовать его примеру. Кружок «Собрание двадцати восьми звезд

словесности» существовал до 1497 года, вплоть до смерти императора. Единственным сборником, безоговорочно признанным результатом творчества придворного собрания литераторов, является сборник стихов «Девять песен, сложенных в дивном саду».

В ходе написания данной работы были переведены четыре новеллы из сборника «Сочинения, оставленные государем Тхань-тонгом»: «История потомков древней жабы», «История богатой нищенки», «История двух девушек-духов», «Приговор глухому и слепому», а также переведены три стихотворения «О должном поведении императора», «О должном поведении подданных» и «Хвалебное слово литератору». Эти стихотворения входили в первый сборник стихов придворного общества литераторов, сформированного вокруг фигуры императора Ле Тхань-тонга – «Девять песен, сложенных в дивном саду».

Использованная литература и источники:

На русском языке:

1. Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений». Ответственный редактор Б.Л. Рифтин. Предисловие, перевод и комментарии Л.Н. Меньшикова. – М.: Восточная литература, 1963. – 250 с.
2. Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
3. Деопик Д.В. История Вьетнама, часть 1. – М.: Издательство московского университета, 1994. – 320 с.
4. История Вьетнама. Пер. с вьет. под редакцией С.А. Мхитаряна. – М.: Главная редакция восточной литературы изд. Наука, 1983. – 302 с.
5. Классическая проза Дальнего Востока. – М.: Художественная литература, 1975. – 896 с.
6. Леонов К.Ю. Ном в системе некитайской иероглифики Дальнего востока. / Традиционный Вьетнам. Сборник статей. – 1996. – Вып.2. – С. 202-215.
7. Лунь Юй. Беседы и Суждения. Конфуций. Пер. С китайского Л.С. Переломова. – М.: Восточная литература, 1998. – 588 с.
8. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: изд-во «Наука», 1990. – 275 с.
9. Печерин А.М. Вьетнамская фантастическая новелла: магистерская дисс. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006.
10. Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. – М.: Художественная литература, 1969. – 256 с.
11. Торчинов Е.А. Буддийская школа тхиен. // Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1993. – вып.2-3. – С. 73-112.
12. Фишман О. Танские новеллы. – М.: Художественная литература, 1960. – 248 с.

На английском языке:

13. John K. Whitmore. Chapter 6. Vân Đồn, the “Mạc Gap,” and the End of the Jiaozhi Ocean System: Trade and State in Đại Việt, Circa 1450–1550/The Tonking Gulf through history// Nola Cooke, Tana Li, James A. Anderson. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. – pp.101-116.
14. Li Tana. The Rise and Fall of the Jiaozhi trade system/The Perception of Maritime Space in Traditional Chinese Sources// Angela Schottenhammer, Roderich Ptak. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. – pp.125-139.

На вьетнамском языке:

15. Bùi Duy Tân. Hội Tao đàn/ Hoàng đế Lê Thánh Tông : Nhà chính trị tài năng, Nhà văn hóa lỗi lạc, Nhà thơ lớn. – Hà Nội: Khoa học xã hội, 1998. – Tr. 357-380.
16. Đại Việt sử ký toàn thư//Tập II. – H., nhà xuất bản khoa học xã hội, 2003. – 659 tr.
17. Hội Tao Đàn. Tác giả-tác phẩm./chủ biên – Lam Giang. – Hà Nội.: nhà xuất bản khoa học, 1993. – 261 tr.
18. Lê Nhật Ký. Yếu tố kỳ ảo trong Thánh Tông di thảo/ Hoàng đế Lê Thánh Tông : Nhà chính trị tài năng, Nhà văn hóa lỗi lạc, Nhà thơ lớn. – Hà Nội.: Khoa học xã hội, 1998. – Tr. 449-456.
19. Lịch sử văn học Việt Năm, tập 1. – Hà Nội.: Khoa học xã hội, 1980. – 399 tr.
20. Nguyễn Duy Quý. Lê Thánh Tông. Nhà chính trị tài năng, nhà văn hóa lớn// Tạp chí văn học.–1993.– số 1.
21. Nguyễn Huệ Chi. Những vấn đề đặt ra trong Hội thảo khoa học về Lê Thánh Tông// Tạp chí văn học. – 1993. – số 1.
22. Nguyễn Minh Tuấn. Những giá trị tích cực của Nho giáo trong Bộ luật Hồng Đức //Tạp chí Khoa học, Đại học Quốc gia Hà nội, Chuyên san Kinh tế. – 2004. – No 4. Luật. – Tr. 39-44.
23. Thánh Tông di thảo. – Hà Nội:nhà xuất bản khoa học xã hội, 1963. – 212 tr.
24. Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí, T.IV. – H.,1961. – 287 tr.

На французском:

25. Gaspardone, Emile, Bibliographie annamite//Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 34, 1934.

Электронные ресурсы:

26. А.Н.Желуховцев. Танская новелла.//ФЭБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl2/vl2-1322.htm?cmd=2> (дата последнего обращения 20.04.16)
27. Thiên Nam Du Hạ Tập//Yale University library. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://findit.library.yale.edu/catalog/digcoll:17828> (дата последнего обращения 10.05.16)

Приложение

Перевод

I. История потомков древней жабы (*Bài ký dòng dõi con thiềm thừ*).

Жили на небе в районе Тханьхы жаба да лягушка, обе - прямые потомки древней жабы. Однажды они съели лунные пилюли и тотчас почувствовали прекрасный запах, похожий на аромат волшебной корицы. Увлеченные дивным ароматом, животные и не заметили, как прошло несколько десятков тысячелетий.

Позапрошлым месяцем, в полнолуние, посмотрели они сверху вниз на земной мир и застыли в восхищении. Взглядам их открылись высокие горы, чистая вода и прекрасные жители. Жаба и лягушка немедленно захотели спуститься в мир живых. Они начали упрашивать богиню Луны, Хэн Э, отпустить их. Та милостиво согласилась. Тотчас жаба и лягушка вытянули ноги, взмахнули лапами и прыгнули вниз, на землю.

Оказавшись в мире живых, жаба не изменила своего характера: одевалась просто, жила уединенно. Она ненавидела муравьев, за то, что те больно кусали людей, и потому, едва завидев их, высовывала язык и поедала. Червяка, пьющего чистую родниковую воду, тотчас проглатывала, раскрыв широкий рот. Но в остальное время жаба сидела молча и неподвижно, не желая даже двигаться.

Когда утки или гуси приходили ее дразнить, жаба плевалась зеленым ядом. Этот яд, попадая на врага, вызывал страшное воспаление: кожа пузырилась, надувалась, а затем лопалась. Даже самые злые животные, зная про это, не решались и близко подходить к жабе. Однако для людей жаба была только полезна. Ее яд, например, сводил фурункулы. Отощавших от болезни детей кормили жабыми лапами – это помогало ребенку вновь набрать вес и выздороветь. Зная целебные свойства этого земноводного, никто не осмеливался убивать жабу. Да и сама она привыкла к новому дому на земле

и не хотела его покидать. Если кто-то мазал известью жабью нору, чтобы прогнать ее, она уходила далеко лишь на несколько дней, а потом все же возвращалась на прежнее место.

Жаба всегда старалась совершать лишь хорошие и полезные дела: если в стране начиналась засуха, она скрежетала зубами изо всех сил, чтобы до слез тронуть небо и землю. Тогда дождь тотчас начинался на радость людям.

Лягушка была совсем другой: она навечно усвоила знания императором Бай⁸⁵: жила в болотистой пещере, носила одежду из цветной парчи, была похотлива и жестока без меры. Однажды обитатели рек и озер со всей округи договорились о встрече. Но и рыбы, и креветки, и насекомые, и еще многие другие – все были съедены лягушкой. Тут вдруг появился краб, вооруженный двумя клешнями-мечами. Он всегда держал их наготове, самодовольно полагая, что так никто не сможет причинить ему вреда. Но лягушка, желая отвлечь краба, вытянула лапу и ударила его в панцирь. Тот попался на хитрость и прижал обе клешни к себе. Миг, и лягушка проглотила несчастного. Да, вот до чего сумасбродна и жестока была эта лягушка! В течение пятого и шестого месяца небо дважды посылало ливни, да такие, что вода затопляла поля. А лягушки знают только квакают, соревнуясь и перекрикиваясь между собой. Хоть с зажженным факелом приходи к ним на болота, они все равно не остановятся.

Люди ненавидели лягушку и договорились убить. Они хотели отрубить ей голову, содрать кожу, а желчь добавить в разные кушанья. Так решили люди и стали искать способы поймать лягушку. Когда она сидела под дождем, за ней приходили с факелами; она прыгала на песчаную отмель – люди пытались схватить ее сетью; лягушка пролезала сквозь ее дырки – толпа

⁸⁵ В заключительный период династии Западной Хань, китайский чиновник Гунсунь Шу подчинил один из районов страны, где самовольно провозгласил себя императором Бай. Люди часто сравнивали Гунсунь Шу с лягушкой, сидящей на дне колодца, за недостаток ума и образования. Говоря, что лягушка навечно усвоила знания императора Бай, автор подразумевает именно ее ограниченный ум и глупость. Сам образ лягушки, сидящей на дне колодца и рассуждающей об океане, взят из «Чжуан-цзы».

хвatalась за железный крючок и ветку; жертва ныряла в пруд – люди закидывали бамбуковую удочку, с шелковой веревкой и наживкой. Наконец достали. Как же долго лягушку кормили жадность и злость, раз она стала такой толстой. Зато еда из нее выйдет очень вкусной!

Ах! Теперь нам понятны слова мудрецов: «Люди, в душе которых мало жадности и разврата, редко не могут сохранить свое тело; те же, чьи сердца полны похоти и алчности, практически всегда теряют его». Как верно.

Нравоучение мужа с Южных гор

Это история о двух потомках древней жабы. Но как ясно в ней подмечено: люди, в душе которых мало похоти, сохраняют свое тело, те же, у кого она в избытке, почти всегда теряют. Текст написан очень искусно, каждое слово подобрано филигранно, но несмотря на глубокий смысл, это все еще чудесная история о жабе и лягушке. Слава таланту Тхань Выонга! За простыми словами кроется так много смысла.

II. История богатой нищенки (*Truyện người hành khất giàu*).

В Тамтхань жила бедная вдова, примерно тридцати лет. Не было у нее ни родителей, ни детей, и даже маленького клочка земли тоже не было. Если она ела с утра, то ужина уже не было. Вдова ходила по соседним дворам, предлагала услуги прачки, чтобы совсем не умереть от голода. Но вскоре, заработанные ею деньги кончались, или она заболела, то и есть ей было уже нечего. Все в деревне прогоняли ее, никто не соглашался одолжить денег. Пришлось вдове уйти в дальнюю, заброшенную часть деревни. Собрала она опавшие листья и прогнившую рисовую солому, наломала стеблей бамбука, согнула тоненькое деревце и из всего этого смастерила себе маленькую хижину.

Так и жила она теперь, ходила в лохмотьях, в прохудившейся шляпе, сгибаясь под ветром, бродила, опираясь на палку, мерзла под дождем, укрываясь соломенной циновкой. Подобно наследнику династии Цзинь⁸⁶ она ходила в полях, но иногда садилась и играла на свирели, осваивая возвышенное искусство У Цзысуй⁸⁷. Ходила побираться вдова: бродила вдоль соседских ворот, наблюдая снаружи и не решаясь войти, приходила на поминки, среди могил стоя с протянутой рукой, куда бы не пришла она, умела искусно попросить, польстить хозяину дома, стоя на коленях выпросить денег или еды. Поэтому вдова всегда получала больше, чем остальные нищие. Дни шли один за другим, каждый день, в любую погоду, уходила вдова с утра и возвращалась вечером. Незаметно прошли сорок лет. Однажды, в течение десяти дней люди не видели ни огня в хижине вдовы, ни ее самой. Внезапно, услышали они стон, идущий из хижины, а затем наступила тишина. Жители деревни поняли, что вдова умерла, и договорились вместе похоронить ее. Принесли кусок соломенной циновки,

⁸⁶ Наследник династии Цзинь по имени Чун Эр, позже Цзинь Вэнь-гун, сбежав из страны, вынужден был бродить по окрестностям деревень и просить милостыню.

⁸⁷ У Цзысуй из царства Чу. Отправился в Линшуй, чтобы отомстить за отца и брата. Зарабатывал себе на хлеб игрой на флейте.

бамбуковые веревки, перенесли тело на кладбище и похоронили. Как только закончили, один человек сказал:

- Старая вдова вернулась в ад, а ее хижину мы должны сжечь. Если оставим ее, то змеи и сколопендры найдут там себе пристанище и принесут жителям только вред.

Все люди согласились с этим и начали разжигать костер у хижины. По всем листьям, гнилой рисовой соломе, бамбуковым стеблям прошел дух Тюк зунг⁸⁸, хижина вспыхнула и вмиг сгорела.

Когда огонь погас, на земле стала отчетливо просматриваться неровная куча. Жители засомневались, вымели пепел, мотыгой собрали траву и увидели целую кучу нагроможденных друг на друга зеленоватых цепочек – это были связки цинковых монет, потемневших от времени, всего около двухсот связок. В земле виднелась яма с красноватым, будто прогнившим содержимым в глубине – вся она была полна рисовым зерном, всего около восьмидесяти мисок. Помимо этого, жители нашли в яме много другой еды и посуды: пиалы, тарелки, чашки для чая и стаканы для вина, всем этим можно было заполнить две коробки. Жители обменивались удивленными взглядами, не понимая, откуда у нищей вдовы все эти вещи. Каждый думал про себя, как удивительна их находка.

У всего этого имущества уже не было хозяина, а так как получила его вдова попрошайничая, было решено разделить вещи между всеми жителями.

Нравоучение мужа с Южных гор

Эта история богатой нищенки и правда удивительна: эта женщина стала богатой благодаря своему умению просить милостыню или из некогда богатой она стала нищей? Но разве кто-то становился бедным, будучи богатым, или из нищего превращался в богача? Нам никогда не узнать правды. Есть еще одна удивительная вещь: попрошайка из Тамтхань с волосами белыми, как снег, лицом, испещренным морщинами, прожила

⁸⁸ Согласно старым суеверным представлениям, Тюк зунг – дух огня.

больше семидесяти лет, при жизни ни от кого не видела помощи, после себя не оставила детей, она накопила такое состояние, разве не было этого достаточно, чтобы дожить до старости? Тогда зачем он бродила по чужим домам, преклоняла колени, находила льстивые слова для хозяина дома? Зачем с протянутой рукой и опущенной головой просила милостыню, воровала, своими поступками отталкивая людей? Безусловно, эта вдова совершала плохие поступки, за которые она будет ослеплена чертями.

Но жители деревни не оказывали вдове ни малейшей помощи при жизни, а после смерти поделили между собой все ее имущество. Именно это есть цинизм среди всего цинизма, попрошайничество среди всего попрошайничества!

III. История двух девушек-духов (*Truyện hai gái thần*).

Шел четвертый год под девизом правления Тхуан-тхиен. После «великого установления», счастливые путники вновь могли ходить по нашим дорогам, а торговцы выставлять свои товары на наших рынках. Город Тхыонгкинъ был в то время центром торговли. Однажды две женщины пришли и заняли место у одной из палаток рынка, чтобы гадать и предсказывать судьбу. Эти две женщины с утра были на рынке Тханьсуан, днем их видели уже у рынка Зыа, они уходили с Кинь-ап, а возвращались в Чанган; никогда не останавливались на одном месте, и создавалось ощущение, будто они бродят туда-сюда, что-то разыскивая.

Если пристально взглянуть на их лица, то можно было заметить, что одной женщине уже около сорока лет, ее темные волосы чуть тронуты сединой, а белое лицо потеряло былой румянец. Однако было в этой женщине что-то привлекательное, притягивающее людей. Вторая девушка, гораздо моложе – она едва достигла совершеннолетия, была писаной красавицей.

Женщины одевались очень просто и незаметно: в коричневые брюки и свободные рубашки, но своими светлыми лицами привлекали внимание окружающих. Многие юноши страстно желали поближе познакомиться с ними. Но если кто-то осмеливался поддразнить этих незнакомок, то он тут же терял покой от внезапного приступа мигрени. Так никто и не решался подходить близко к удивительным женщинам. День за днем они приходили на рынок, расстилали две циновки из сыти, ставили сверху связку гадательных книг и черепаху, шириной в один «так», раскладывали лоскут красной ткани с двумя предложениями, написанными чернилами: «Гадание: один прогноз – три донга». Расставив все эти предметы, женщины садились на циновки и запевали.

Песни сменяли одна другую, звуки их были чрезвычайно трагичными. Люди, приходившие на рынок, останавливались около женщин, заслушавшись, и слезы текли по их лицам.

Когда подходили клиенты, женщины умолкали. Аккуратно сгибая пальцы рук, они предсказывали богатство, бедность, долгую или короткую жизни, прибыльное дело или смерть – все очень искусно. Потом женщины нагревали панцирь черепахи и точно подсчитывали дату рождения или смерти, вплоть до секунды – все безошибочно. Закончив гадать, женщины приоткрывали свои алые губы и тихо говорили клиенту:

- Положите три донга рядом со мной на край циновки.

Когда клиент уходил, женщины высматривали голодного бедняка, случайно проходящего мимо, подзывали его и отдавали деньги.

Было несколько странностей, связанных с незнакомками. Они никогда не протягивали людям руки, и сами никогда не касались рук, протянутых им. Никто на рынке не видел, как эти женщины пьют или едят. Как только солнце садилось за горизонт, они сразу покидали рынок, и никто не знал, куда они направлялись. Были любопытные, пытавшиеся проследить за женщинами, но едва сделав несколько шагов, они падали от внезапного головокружения и уже не решались продолжить слежку. Так прошло больше трех месяцев. Однажды две женщины вновь пришли на рынок, но старшая из них не пела, не предсказывала судьбу, а лицо ее было как никогда мрачным. Молодая девушка пела, как и во все дни до этого. Люди не знали причин такого странного поведения и очень удивились.

Однажды старый небогатый конфуцианец в одиночестве брел по дороге. Он был родом из Дайлой, но перебрался в Донгань, чтобы преподаванием заработать себе на хлеб. Этой ночью, отпустив учеников, старик возвращался домой. Он торопливо шел, погруженный в свои мысли, не обращая внимания на поздний час. К началу пятой стражи он уже дошел до пристани Боде, как вдруг луна зашла за облака, и в темноте старик увидел двух людей, спускающихся с вершины дерева бодхи. Конфуцианец подумал, что

столкнулся с привидениями. Но будучи человеком смелым и решительным, он подбежал к незнакомцам и схватил их за одежду, намереваясь убить. Однако оказалось, что перед ним стояли две женщины, так часто приходившие на рынок, чтобы погадать.

Конфуцианец сказал:

- Днем вы приходите на рынок, а ночью прячетесь на верхушке дерева. Не демоны ли вы?

Женщины безмолвно смотрели на него. Старик почувствовал, что незнакомки скрывают какую-то тайну, и мягко сказал:

- Я, конечно, не благородный муж из Улин⁸⁹, но в прошлом я был успешным и талантливым конфуцианцем. Только вот мятежное время не позволило мне стать чиновником. Сейчас, когда истинный Сын Неба на престоле, многие люди счастливы помочь императору в правлении, только я уже слишком стар. Наши предки говорили: «Послеполуденный свет бесконечно прекрасен, только ведь скоро он исчезнет в закате!» Я захотел принести пользу будущим поколениям, и сейчас должен признать, что из более чем двухсот высокопоставленных государственных мужей половина обучена мной. Я смотрю на вас и понимаю, что вы работаете не ради денег. Вы что-то разыскиваете. Скажите мне правду.

Женщины слушали старого конфуцианца. После его слов о «государственных мужах» обе взволнованно прижали руки к лицу. Старшая из них сказала, пряча намокшее от слез лицо:

- Я жена внука Лонг Выонга, морского владыки. В прошлом году моего мужа, так любившего аромат белых лотосов, Ким Лан пригласил отправиться на озеро Замдам⁹⁰, поплавать. Совершенно неожиданно они встретили там Ван Туна, минского военачальника. Он наблюдал за ловлей рыбы. По его приказу моего мужа и Ким Лана поймали и убили. Мой сын попросил

⁸⁹ Улин, прославленный исторический памятник времен династии Хань. Именно здесь собирались все высокопоставленные блестяще образованные представители общества.

⁹⁰ Западное озеро

благословления у морского владыки, отправиться в мир людей и отомстить за смерть отца. Оседлав волшебную лошадь без чешуи, он помчался, рассекая волны, покидая морское царство. Я успела лишь сказать ему: «Месть за убийство отца достойна уважения, ведь ты исполняешь сыновний долг. Но я стара, и теперь некому будет обо мне заботиться. Скажи мне, сын, когда возвратишься ты?». Сын заплакал и сказал: «Я отправляюсь в путь, если я завершу задуманное, то вернусь как раз через тридцать лет. Но если не исполню свой долг, не отомщу за убийство отца, то уж никогда не ворочусь назад». С того момента прошло тридцать шесть лет, все эти дня я ждала сына, не зная на кого опереться и на что надеяться. Я бродила по миру, притворяясь гадалкой, но где бы ни была, я лишь разыскивала сына. Недавно я узнала вот что: после того, как мой сын покинул царство морского владыки и оказался в мире живых, он сразу стал верным подданным императора Ле. Тайно пробрался он во дворец Ван Туна и трижды пытался убить его, но все напрасно. Но когда император Ле примирился с Ван Туном и позволил ему вернуться на родину, моему сыну не оставалось ничего другого, кроме как смириться с приказом своего владыки и отпустить Ван Туна невредимым. Разве мог он осмелиться нарушить его! Не сумев отомстить за смерть отца, сын погрузился в печаль. Однажды он вышел на берег, посмотрел вниз на морской дворец, скрытый в воде, поклонился мне, а после повесился на растущем близ дереве. С того дня, оказывается, прошло уже четыре года. Узнав об этом, я сначала хотела вернуться в морское царство, но потом вспомнила о том, что всегда должна быть с сыном. Разве могу так быстро покинуть его? Я решила остаться и еще несколько дней провести с горной девушкой.

Старый конфуцианец слушал рассказ женщины, и сердце его переполнялось жалостью. После он обратился к молодой девушке. Она отерла полую рубашки слезы, опустила голову и, обнажив маленькие жемчужные зубы, сказала:

- Я не злой демон, а жена Зонг Нгу, горного духа. Когда минский сановник Хуан Фу стал наместником во Вьетнаме, он приказал копать и пробивать тоннели в горе Маушон, чтобы создать торговый путь через горы. Из-за этих раскопок, подземный источник, сердце Маушон, пересох. Мой муж ужасно разозлился. Он послал людей, чтобы шпионить за Хуан Фуном, повелел им камнями закидать его повозки, чтобы сломать колеса. Фун прознал об этом и уже не осмеливался возвращаться к горе. Мой муж затеял опасное дело. Он испросил дозволения у судьи Южного Креста спуститься в мир живых и отомстить за мать⁹¹. Судья достал Книгу Судеб, подсчитал что-то и сказал: «Хуан Фун вернется к своему императору, Ван Тун тоже покинет страну. Пройдет чуть больше десяти лет, и человек из рода Хо, по имени Лой, возглавит восстание в Ламшоне. Фун во главе армии отправится с подкреплением на помощь китайским солдатам, и, дойдя до горного перевала Лекуан, будет схвачен Ле Лоем. С этого дня в стране начнется великое установление». Мой муж обрадовался и тотчас решился отправиться в земной мир, переродившись в представителя рода Буй. Перед расставанием, я плакала и молила его: «Муж и жена словно одно целое. Если ты решил рисковать жизнью, чтобы отомстить за смерть матери, позволь и мне пойти с тобой. Я стану портнихой и попрошу присоединиться к армии». Муж отвернулся и ответил: «Наши предки говорили: «Женщина в войске, значит оружие наше боится, что недостаточно сильно». Ты остаешься единственной хозяйкой нашей страны, нашего народа. Через три года после великого установления мы снова будем вместе, как прежде. Зачем тебе сейчас следовать за мной?» Сказав это, мой муж тотчас исчез. С тех пор двадцать четыре года я жила в пещере, считала дни на пальцах. Я испугалась, что мой муж поддастся соблазнам в этом мире богатства и роскоши. Он, должно быть, позабыл все свои обещания. Тогда я решила бродить по свету, петь,

⁹¹ Муж девушки – дух горы Маушон, и подземный источник, сердце горы, считается его матерью. Из-за раскопок, организованных по приказу китайского сановника Хуан Фуна, источник пересох, поэтому горный дух решает отомстить за смерть своей матери.

предсказывать судьбу; вдруг муж услышит звуки моего голоса, и его сердце вспомнит меня. Так я и провела эти четыре месяца, но не нашла ни единого его следа. Позволь спросить тебя, старый конфуцианец, может слышал ты что-нибудь о нем?

Конфуцианец ответил ей:

- Выдающихся государственных мужей очень много, и все они имели заслуги перед отечеством. Сложно будет найти его по прежнему имени. Может ты, горная девушка, опишешь его внешность, чтобы мне было легче припомнить?

Юная красавица отвечала:

- Мой муж ростом очень высок, голова у него заостренная⁹², на ушной раковине две красные точки, лицо ясное, свежее; он молчалив, день и ночь сидит спокоен, и голоса не повысит. На ладонях его есть отметины. Та, что на левой, напоминает иероглиф «человек» (人), на правой-иероглиф «девять» (九). Если соединить эти иероглифы, то вместе они образуют знак «враг» (仇). Мой муж боялся, что после перерождения забудет о том, что должен отомстить за мать, боялся, что не исполнит сыновний долг. Поэтому и записал эти два иероглифа на своих ладонях. А теперь скажи, старый конфуцианец, знаешь ли ты такого человека?

Старик помолчал, размышляя. Вскоре он сказал:

- Ты прошла долгий путь, разыскивая его. Человек, которого ты описала, был военным советником Буй Кха За в районе Тиенкуан, военачальником и к тому же моим учеником. Я могу рассказать тебе то, что слышал сам. Хуан Фун был схвачен и пленен. Когда он молил о пощаде, склонив голову, твой муж громко рассмеялся. Он собственноручно связал Фуна и оставил ожидать справедливого наказания. Спустя два года после великого установления, твой муж, устав от службы, подал прошение императору об отставке. Он хотел направиться к горе Тамдао, чтобы излечиться от болезни. Император по

⁹² Девушка намекает на сходство мужа с горой.

этому случаю издал специальный указ, отметив заслуги твоего мужа перед страной, пожаловав ему новое имя, Ле Кха За, и титул Минь-ты. Но семнадцатого числа прошлого месяца, между семнадцатью и девятнадцатью часами, твой муж скончался от болезни. К чему тебе продолжать поиски?

Лицо юной девушки посветлело. Она улыбнулась и сказала:

Пора идти, муж мой скоро вернется

Ищем друг друга подобно Сам Тхыонг⁹³

Чувствует сердце, ты вновь стал горным духом,

Значит, и мне пора торопиться.

Промолвив это, оправила свой наряд, и, сложив руки, поклонилась конфуцианцу. Еще миг, и обе женщины исчезли.

Нравоучение мужа с Южных гор:

Зеленые горы да широкие реки! Эта история подобна вымышленному сну; кисть создает произведение, но говорит только правду. Прочитав этот текст, вы увидите, что мир мертвых не отличается от мира живых: в нем тоже есть место и верности, и любви. А старый конфуцианец? Разве не напомнил он вам Вэнь Чжунцзы⁹⁴?

⁹³Сам Тхыонг-это вечерняя и утренняя звезды. Считается, что они никогда не смогут встретиться.

⁹⁴ Вэнь Чжунцзы-известный конфуцианец времен династии Суй, обучал многих высокопоставленных чиновников.

IV. Приговор глухому и слепому (*Lời phán xử cho anh điếc và anh mù*)

В то время Мы (император Ле Тхань-тонг) еще жили в Восточной резиденции⁹⁵. Однажды решено было отправиться в деревню, посмотреть, как живут люди. В деревне Мы увидели громко спорящих глухого и слепого, они не могли решить, кто из них выше по положению. С раннего утра до темной ночи они кричали, но так и не нашли решения. Мы приказали схватить их и привести во дворец. Когда они оказались перед нами, спросили Мы:

- У вас обоих есть увечье, разве важно теперь, чье положение выше? Зачем продолжаете бранить друг друга да бахвалиться, если до сих пор не пришли к ответу. Сейчас каждый из вас выскажется, а я вынесу решение.

Услышав это, слепой вскочил и заговорил:

- Я занимаюсь предсказательством. Мой род очень древний: с тех пор как император Фу Си получил триграмму от дракона Ин-луна⁹⁶, моим предкам была пожалована должность придворного предсказателя по картам. Мои предки помогали найти ответ в сложных вопросах, рассеивали людские сомнения. Во времена Хуан-ди, создавшего музыку «всеобщего благоденствия» и музыкантов, они помогали упорядочить звуки, установить порядок, гармонизировали лю и ла.⁹⁷ С древности и до наших дней, они занимали обе эти должности при дворе. Позже, когда появилась консерватория при императорском дворе, моего предка стали называли «великим учителем». Да и должность придворного гадателя всегда считалась очень важной. Вы сами посудите, император! По чьему предсказанию Юй был отправлен в поход – по моему!⁹⁸ По чьему предсказанию Пан Гэн решил

⁹⁵ Восточная резиденция – дворец наследного принца (события происходят до восшествия Ле Тхань-тонга на императорский трон).

⁹⁶ У дракона Ин-луна, выплывшего из реки Хуанхэ, на спине были начертаны знаки. Фу Си по ним создал первые 8 триграмм.

⁹⁷ Лю и ла – два музыкальных инструмента, использовавшиеся гармонизации мелодии, в каждом из инструментов было шесть труб, поэтому они назывались лю люй и лю ла.

⁹⁸ Император Шунь послал Юя покорить древний народ Сань Мяо.

перенести столицу – по моему!⁹⁹ Встреча с Цзян Цзя¹⁰⁰, прошение духам предков, спрятанное в ларец¹⁰¹ – это все было сделано по моему наставлению! Перенесение столицы Чэн-ваном, карательный поход Чжоу-гуна на иньцев – и это все было сделано по моему наставлению! Многим династиям я служил. Глухой же не занимал никакой должности. Когда установилась династия Цинь, скончались многие ученики, многие книги были сожжены, но мои книги все еще хранились у врачей, а я сам как и прежде служил при дворе.¹⁰² От меня император узнавал, как поступить, какой путь избрать. Началась династия Хань и блестящий император Вэнь-ди с помощью моего предсказания избавился от сомнений и взошел на трон. Когда Ван Ман узурпировал власть, я не стал служить ему и сразу уехал в Ханьдань, следом и народ поднял восстание.¹⁰³ Люди всегда верили моим предсказаниям! Отчего же глухой пытается спорить со мной о положении?

Глухой взглянул на слепого и сказал:

- Можно владеть всем миром, можно быть на вершине, но нет ничего более ценного, чем быть глухим. Все люди мечтают об этом, но не могут получить.

Как смеет тот, кому всего лишь посчастливилось заполучить должность, сравнивать свое положение с моим?

Услышав такие речи, Мы очень удивились и закричали:

- Что за глупости! По какой причине ты утверждаешь такое?

⁹⁹ Пан Гэн перенес столицу на новое место, назвав ее Инью.

¹⁰⁰ Вэнь-вану была предсказана судьбоносная встреча с человеком, который поможет ему распространить свое могущество. Действительно, Вэнь-ван встретил Цзян-Цзя.

¹⁰¹ Когда У-ван тяжело заболел, его младший брат Чжоу-гун написал прошение, в котором обратился к духам предыдущих императоров с просьбой умереть вместо брата. Это прошение он опустил в ларец. После на Чжоу-гуна пали подозрения в организации заговора с целью захватить трон. Когда сын У-ван Чэн-ван открыл ларец и увидел прошение, все обвинения были сняты.

¹⁰² Император Цинь Шихуан приказал сжечь все книги, кроме гадательных и медицинских трактатов.

¹⁰³ Когда Ван Ман узурпировал трон династии Хань, люди взбунтовались. Среди восставших был Ван Лан, известный гадатель.

- Правитель мог быть мудр словно император Шунь, но и он был вынужден спрашивать совета музыкальных чиновников¹⁰⁴, просить приближенных внимательно слушать звуки, чтобы помочь гармонизировать лю люй¹⁰⁵, не признак ли это глухоты? Раз люди, сидящие на троне, использовали меня как свои уши¹⁰⁶, не признак ли это глухоты? Когда император опускает края своей шапки, прикрывая уши¹⁰⁷ – не значит ли это, что он уважает глухоту? А слова императора династии Тан, сказанные Го Цзыи: «Глава семьи должен иногда оставаться глухим»¹⁰⁸ – не значит ли это, что и он высоко ценил глухоту?

Многие вовсе не желают слушать возгласы обвинения и одобрения, клевету и похвалу. Они лишь чинно сидят рядом с тронном, наблюдая, но не слушая. Если бы весь мир был так же глух как я, то не нашлось бы в Ши цзин столько упоминаний о клеветниках при дворе, и не сказал бы Конфуций своим ученикам: «Тот, кто повторяет услышанное на улице, расстается с моралью.»¹⁰⁹ И еще: если бы весь мир был глух подобно мне, то люди бы все понимали и чувствовали сердцем, душой, не прибегая к помощи слов. Жизнь была бы такой честной и откровенной, не будь необходимости в словах. Именно пустословы, что болтают без причины, разрушают нашу страну.¹¹⁰ Так разве не о глухоте мечтают все люди, но никак не могут получить? Тот,

¹⁰⁴ Император Шунь учредил должность музыкального чиновника в каждой из четырех сторон света, чтобы знать о том, что творится в государстве.

¹⁰⁵ Император Яо приказал Юю создать новые должности, среди них была следующая: внимательно слушать звуки, чтобы помочь императору гармонизировать лю люй, у шэн, ба инь.

¹⁰⁶ При дворе существовала особая должность-узнавать мнения и желания простого народа и передавать императору.

¹⁰⁷ Раньше к императорской шапке по краям были прикреплены полотна из золотой ткани. Их можно было опустить, прикрыв уши, чтобы отгородиться от внешних звуков.

¹⁰⁸ Го Ай, сын Го Цзыи, во время ссоры с женой оскорбил императора. Го Цзыи ужасно рассердился, привел сына во дворец и потребовал наказать. Но император сказал: «Глава семьи должен иногда оставаться равнодушным и глухим, и не слушать пустые разговоры на женской половине».

¹⁰⁹ Лунь Юй. Беседы и Суждения. Конфуций. Пер. С китайского Л.С.Переломова. – М.: Восточная литература, 2001. [17.14].

¹¹⁰ См. там же. [17.18]. Учитель сказал: «[...]Я ненавижу, когда болтуны губят государство и семьи.».

кто не слышит пустых слов похвалы и порицания, не станет судить, где добро, а где зло. Посему я уверен, что глухой всегда стоит выше всех прочих. Выслушав обоих, я взял перо и написал:

- Есть известная поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем услышать сто раз».

Как верно было сказано в И цзин: «Добродетель всегда будет стоять выше карьерных успехов». Вот и слепой не блистал ни добродетелью, ни добрыми делами, а потому едва ли достоин называться благородным мужем.

Нравоучение мужа с Южных гор:

В речах слепого есть смысл, а слова глухого похожи на пустой звук. Если же выносить решение на основании услышанного, то слепой лишь занимал высокую должность, тогда как глухой знал, как помочь и облегчить жизнь людям. Различны заслуги у них. А посему и положения они должны занимать отличные друг от друга, словно небо и земля, и нет нужды в долгих спорах. В конфуцианском каноне едва ли встретишь упоминание о глухом, зато каждое предложение здесь исполнено пользой и смыслом. В рассказе Нашем много правды, и, Мы надеемся, прочитавшие его не смогут удержаться от смеха.

Уместно сказать:

*В небесной накидке не швы, а великолепные золотые нити,
Император Ле Тхань-тонг своим пером способен превратить железо в золото.*